

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
куририни

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – курprinz

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – курпринц / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-61529-2

Крестоносец и паладин, сэр Ричард вынужден вести армию на север, скрывая в обозе магов и чародеев, но такое раскроется рано или поздно. И ему придется держать ответ перед строгой церковью и еще более строгой инквизицией.....если не успеет принять меры раньше.

ISBN 978-5-699-61529-2

© Орловский Г. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – курпрынц

Если бы Бог на один день даровал мне свое всемогущество, то увидел бы, как бы я изменил этот мир! Но если бы он даровал мне и свою мудрость, я оставил бы все как есть.

Жак Монсабре (1827–1907), проповедник-доминиканец

Часть 1

Глава 1

Солнце выглянуло из-за туч, косые лучи с силой ударили в замок лорда Джордана Беверейджа, владетельного лорда Бармачшира и Тюрстера. Последний крупный замок по эту сторону границы, как мне объяснили, дальше еще несколько мелких не столько замков, сколько поместий, а потом уже граница с Ирамом.

Замок вспыхнул золотым огнем, красивый и радостный, как мне показалось, и лишь через минуту я сообразил, почему сердце тревожно дрогнуло, а потом застучало чаще.

Дорога под копытами наших коней делает дурацкую петлю, как это часто бывает, без всякой видимой причины, замок начал медленно поворачиваться другой стороной, затем нелепый поворот закончился, замок снова повернулся и смотрит золотом стены из оранжевого песчаника, свежей зеленью, охватившей первый этаж и карабкающейся выше, однако перед моими устранными глазами осталась картинка другой стороны: сожженной страшным пламенем, с потекшим от звездного жара камнем, наплывами внизу, похожими на застывшие волны моря.

Сама стена показалась мне угольно-черной с редкими вкраплениями то ли расплавленного металла, то ли еще чего, с той стороны и земля сожженная, в трещинах, откуда время от времени выплескиваются мелкие, но опасные даже с виду красно-желтые гейзеры.

Странное дело, дорога раздваивается, и одна ее половина, красиво изгибаясь, ведет к воротам замка с праздничной стороны, а другая, изогнутая точно так же, симметрично, исчезает прямо в стене, поврежденной ударом чудовищной температуры.

Рядом на прекрасном коне, укрытом дорогой попоной, покачивается в такт скачке Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, а также граф, щеголеватый, как и его конь, даже султанчики у них одинаковые, только у коня закреплен между ушами, а у Альбрехта на кончике шлема.

У развилки дороги он даже придержал в изумлении коня, всматриваясь, сказал ошеломленно:

– Что за... это же каких размеров должен быть дракон, чтобы вот так дунуть?

– Да, – согласился я, – не из самых мелких. Не отвлекайтесь, дорогой друг. Места здесь не слишком удобные, а вот армия у нас все растет...

Конники Норберта уже маячат впереди с разноцветными флажками в руках. Остальные несутся, как суетливые муравьи, показывая прибывающим, где каким подразделениям размещаться.

С холма, где я остановил Зайчика, видно, как красиво и торжественно неспешно вливается стальной поток рыцарей и закованных в металл тяжелых всадников в долину, начинает заполнять ее, как блестящая ртуть, хотя и оставляет в центре место для пехоты Макса.

Вся она здесь не поместится, две трети идут сзади за обозом, а через неделю после отдыха именно пехота выступит в поход первой, а конница двинется на сутки-двое позже.

– А к Беверейджу? – спросил Альбрехт. – Он ждет в гости!

– Заглянем, – ответил я. – Как только, так сразу.

– Здесь принято, – напомнил он, – командующий войсками отдыхает в замке хозяина земель, по которым идет армия.

– Мы вводим свои правила, – ответил я. – И даже свою моду... если получится. А к лорду Беверейджу обязательно заглянем.

– И у него нет дочери, – напомнил Альбрехт с ехидцей. – Вам ничего не грозит, сэра Ричард!

– Знаете, – сказал я с неудовольствием, – не надо обо мне создавать... компрометирующих легенд.

Через час в долине все улеглось, армия расположилась на отдых, быстро установив шатры и палатки, распределив все необходимые службы. У немногих костров уже поджаривают хлеб, точат мечи и подшивают подошвы на прохудившиеся сапоги.

Мой шатер пламенеет в центре, таково решение военачальников, дескать, пурпурный должен быть только у сэра Ричарда, остальные пусть довольствуются другими цветами. Попроще.

Я проехал по лагерю больше для того, чтобы меня увидели, все должны понимать, что лорд с ними, а так вообще-то все отлажено, не первый привал.

Зигфрид посматривал за мной с подозрением в глубоко посаженных глазах, а когда я повернул Зайчика к выезду из лагеря, вскричал достаточно гневно:

– Ваше высочество! В замок?

– Чего? – ответил я. – Не возьму. Хочу сначала немного осмотреть окрестности, а у тебя коняка черепашистая.

– Уже нет, – заверил он победно. – Мне Норберт дал одну из лучших. А ехать вам одному туда на ночь?

– И что?

– Забыли, что стряслось в том замке?

– Дважды на одну воронку, – напомнил я, – ворон не падает. Все обойдется.

– Нет, – сказал он упрямо, – я поеду с вами. Мне и сэра Норберт снова напомнил.

– Еще бы, – сказал я. – Хорошо, но только с условием...

– Ваше высочество?

– Ты будешь звать меня Ричардом, – напомнил я, – или сэром Ричардом, как тебе удобнее, но не этим высочеством. Забыл, как мы встретились, когда ты всех встречных задираешь насчет своей леди Коффаны?.. Уже не помнишь? Я тогда только-только стал паладином и на тебе первом испробовал умение заживлять раны.

Его широкое лицо расплылось в довольной улыбке.

– Это когда вы в пост совершили чудо, превратив поросенка в карася?.. Помню... Еще кого-то берем?

– Никого!

В этих краях следы давней катастрофы заметны отчетливо: отдельные пласты земной коры либо выше соседних, либо ниже, некоторые застыли с наклоном, зато нет глубоких ущелий, напротив – пласты после разлома повторными толчками сдвигало с такой силой, что края выдавливали наверх безобразными валами.

Мы двигались рысью, на такой местности не разогнаться даже на арбогастре, Бобик весело играл с нами в прятки между камней. Зигфрид все тот же могучий рыцарь, чистосердечный, открытый, слева у седла знакомый мне длинный треугольный цельнометаллический щит с затейливым гербом, хотя и чувствуется, как его подновляли и перерисовали десятки раз,

после того как бронники выправят вмятины, чеканка носит явные следы сен-мариской изящности.

Некоторое время мы двигались бок о бок. Воспоминания о старых добрых временах нахлынули с такой силой, что я вспомнил о Сигизмунде, тогда мы вдвоем встретили Зигфрида, странствующего рыцаря, но сейчас Зигфрид уже не кажется мне таким ужасающе могучим, как тогда, это я сам взматерел, раздался, нарастил мяса на кости...

Из-за каменного гребня, похожего на спину окаменевшей ящерицы высотой с двухэтажный амбар, донесся глухой рев, полный ярости и раздражения. Бобик насторожился.

Зигфрид тут же взял в руку клиновидный топор на длинной металлической рукояти, любимое его оружие, хотя рукоять меча тоже с готовностью выглядывает из ножен и просится в ладонь.

– Сэр Ричард, – сказал он предостерегающе.

– Только взгляну, – ответил я. – А вдруг оно нападает на безоружных крестьян?

Он буркнул:

– Мужчины должны сами защищать себя и своих женщин.

Я хотел соскочить с седла, но Зайчик фыркнул и пошел наверх, ловко прыгая по камням. Гребень приближается с каждым шагом, за спиной Зигфрид спрыгнул и с руганью тащит своего коня в поводу.

С той стороны рев прозвучал громче. Гребень опустился, я увидел внизу в окружении острых скал на ровной каменистой земле ярко-красную пентаграмму с горящими черным огнем свечами по углам звезды.

Огромный зверь, похожий на мышь размером с быка, с раздраженным ревом бежит по кругу. В центре пентаграммы сидит, испуганно сжавшись в ком, обнаженная женщина с распущенными волосами, что закрывают ее тело чуть ли не полностью, а зверь время от времени с яростным рычанием бросается на незримую стену, царапает острыми когтями и пытается ухватить зубами, но та пока держится, и он носится вокруг, пытаясь отыскать место, где сумеет прорваться.

Зигфрид с пыхтением поднялся ко мне, глаза его расширились, а пальцы выпустили повод коня.

– Что за... тварь?

– Это ты о ком из них? – спросил я.

– Сэр Ричард!

– А что, – сказал я раздраженно. – Эта дура решила попробовать себя в колдовстве. Вот и допробовалась.

Зигфрид сказал торопливо:

– Надо спасти ее!

– Колдунья, – напомнил я строго.

– Но эта тварь ее в конце концов достанет! Такая защита не держится долго...

– А мы сожжем на костре, – напомнил я. – И такое сочное мясо превратим в пепел, нерационально. Так пусть хотя бы животное покусает. Смотри, какое худое!

Женщина увидела упавшую на нее тень, вздрогнула, но, рассмотрев нас, торопливо опустила голову на колени.

Зигфрид сказал решительно:

– Нет, сэр Ричард!.. Негоже оставлять в беде женщину! Пусть она даже трижды колдунья.

– Подумай о костре, – напомнил я.

– То будет завтра, – крикнул он, – а это... сегодня!

Он начал спускаться по кособору на ту сторону. Я сказал в спину, чувствуя себя абсолютно правым, но от этого чем-то неполноценным и неправильным:

– Запрещать не могу и не буду, это твоя личная жизнь! Только учти, благодеяния не остаются безнаказанными даже среди мужчин, а уж женщина... Еще до костра она точно в ответ наведет на тебя какую-нибудь порчу.

Он обернулся, взглянул снизу вверх.

– Но я не могу иначе!

– Почему?

– Я рыцарь, – напомнил он с достоинством. – Я клялся помогать тем, кто не может помочь себе сам.

– Ну смотри, – сказал я. – Здесь ты волен. Но лучше бы впустил в круг ту зверушку. Нет человека, нет проблемы.

Камни под ногами Зигфрида посыпались вниз. Зверь заметил спускающегося человека в доспехах. Женщина тоже вскинула голову, ее глаза со страхом и недоверием впились в могучую фигуру рыцаря с обнаженным мечом в руке.

– Дурак, – сказал я с отвращением.

Зигфрид прикрылся щитом, сгорбился и пошел на зверя, держа меч наискось. Тот резко развернулся в его сторону, щели глаз вспыхнули красным огнем.

По моей шкуре дунуло холодным ветерком, пасть у этого чудовища оказалась шире, чем мне казалось. И зубы в три ряда, мелкие, однако именно такие способны крошить даже камни.

– Оно быстрее, – крикнул я сверху, – чем ты думаешь. Береги руки!

Зигфрид приблизился еще на шаг, а я снял лук и наложил стрелу. Зверь прижался к земле, спина выгнулась горбом, мышцы вздулись отчетливо, а Зигфрид в момент его прыжка метнулся вперед и, падая на землю, выставил меч вверх, крепко держа обеими руками.

Я поднял лук, Зигфрид исчез под чудовищной тушей, зверь пытался ухватить врага. Я слышал скрежет и треск металла, но одновременно и болезненный рев.

Монстр приподнялся, и Зигфрид выкатился из-под его туши, все так же с прижатым к себе щитом, где край на две ладони уже отгрызен.

Я опустил лук, зверь серьезно ранен в брюхо, двинулся на человека, но правая передняя подгибается, пошел было в сторону, с трудом выровнялся. За ним потянулась широкая лужа крови, и, как я догадываюсь, там сейчас в широкую рану вываливаются кишки.

Зигфрид поднялся на ноги и, сильно прихрамывая, отодвинулся, все так же сохраняя боевую стойку. Блестящий металл на правой ноге потемнел и весь изжеван, словно по нему несколько раз ударили шипастой булавой.

Я крикнул:

– Раненый зверь опасен!

– Да ну? – ответил он хриплым голосом. – Вот уж новость...

Женщина уже поднялась, измученная и сгорбленная, как мокрая ворона, обхватила себя руками и не отводит жадного взгляда от схватки. Лицо бледное, ни кровинки, во взгляде отчаянная надежда.

Зверь сделал рывок, но в последний миг лапа подломилась, он с глухим болезненным ревом сунулся мордой в ноги дерзкому вместо того, чтобы всей пастью ухватить его за голову и разом покончить схватку.

Зигфрид моментально вскинул меч и, отшвырнув щит, обрушил страшный удар. Мне показалось, сталь не разрубит огромную голову, однако раздался треск, Зигфрид вскрикнул от боли в руках, стальная полоса вошла в толстый череп на две ладони.

Зверь задержался, приподнялся в последнем усилии и тут же ткнулся мордой в стальные сапоги рыцаря. Меч остался в расколоте черепа.

Я крикнул:

– Поздравляю!..

Он поднял забрало, лицо усталое, поплевал на ладони и ухватился за рукоять меча. Лицо побагровело, задержал дыхание. Послышался скрип, лезвие пошло вверх.

Женщина все это время не отрывала взгляда от рыцаря, а Зигфрид вытер меч о кожу чудища, бросил его в ножны и повернулся к женщине.

Она все так же неотрывно всматривалась в его лицо. Он протянул ей руку, но пальцы уперлись в незримую стену. Женщина медленно выпрямилась во весь рост. Черные, как смоль, волосы скользнули по нагому телу, старательно укрывая его от взглядов, но белая грудь все равно бесстыдно раздвинула эти шторы и высунулась наружу.

– Зигфрид, – крикнул я. – Ты уже убил эту зверушку!.. А женщину оставь, дальше пусть сама!

Женщина протянула ему руку, не сводя с рыцаря испытующего взгляда. Кончики их пальцев соприкоснулись, Зигфрид ухватил ее за кисть и дернул так резко из пентаграммы, что она с размаху налетела на его стальную грудь.

– Зигфрид, – сказал я с предостережением.

Он ответил, не глядя на меня:

– Мы не можем оставить ее вот так!

– Почему? – спросил я.

– Она истратила все силы, – ответил он. – И сейчас упадет...

Он сорвал с плеч плащ и укутал ее обнаженное тело со старательностью целомудренного медбрата.

Когда они вскарабкались ко мне на гребень, Зигфрид почти нес ее на руках, я сказал женщине сурово:

– Мы – крестоносцы, ведьм отправляем на костер! Ты поняла?.. Потому тебе нельзя принимать любезное предложение моего друга, он слишком добр и чистосердечен. Не понимает, что обрекает тебя на смерть.

Она вздрогнула, увидев Адского Пса, явно заколебалась, поглядывая быстро то на меня, то на Зигфрида, наконец сказала решительно:

– Я поеду с ним.

– Ты хоть меня слышала? – спросил я с досадой.

– Я рискну, – ответила она. – Все равно моя жизнь оборвалась бы скоро.

Он поднялся в седло, а ей подал руку. Она ухватилась крепко, и он вздернул ее к себе, усадив за спиной.

Я сказал резко:

– Слушай меня, дура!.. Магия у нас запрещена. Ведьм сжигаем или топим. Потому ты если хоть в чем-то... поняла? Но ты можешь лечить раненых, если умеешь, это богоугодно. В этом случае епископ закроет глаза, если сделаешь это даже не молитвами.

Зигфрид посмотрел на меня с благодарностью, а она сказала торопливо:

– Спасибо, ваша милость!

– Не за что, – ответил я, злой за уступку политики человечности, – лечить ты все равно не умеешь, а вот порчу...

Зигфрид вскрикнул:

– Ваше высочество!

– И еще, – предупредил я жестко, – что бы ни случилось дурное в армии или в лагере, тут же подумают на тебя.

Она вскрикнула:

– Я не стану...

– Это неважно, – прервал я. – Люди мало обращают внимание на разумные доводы. И тебя могут забить на месте до того, как прибежит епископ и велит тебя милосердно сжечь,

чтоб не проливать крови. Но мне тебя не жалко, однако погибнет и Зигфрид, что бросится тебя защищать.

Она прижалась к спине Зигфрида и, похоже, ощутила, что так и будет. Помрачнев, произнесла тихо:

– Если этот благороднейший из рыцарей все еще берет меня, то я рискну.

Зигфрид сказал быстро:

– Нельзя ее оставлять ни здесь, ни в лагере. Я быстро отвезу ее в город к ее родителям и сразу вернусь.

– Мы едем в замок сэра Джордана Беверейджа, – напомнил я, – владетельного лорда Бармачшира и чего там еще.

Он сказал виновато:

– Я вас догоню там. Уж постарайтесь не... лезть под нож!

– Если и зарежут, – сказал я ворчливо, – ты будешь виноват... Ладно-ладно, не терзайся. Сам знаешь, никто на меня не набросится... в первый же день. Да и собачка рядом со мной спит, а ты уже знаешь, что это за комнатный песик... Езжай.

Глава 2

Женщина лишь однажды оглянулась, я почувствовал на себе ее беглый, но очень острый взгляд, но и потом, когда конь Зигфрида умчал их в направлении стен далекого городка, я чувствовал некую странность в случившемся. Только бы Зигфрид не пострадал...

Арбогастр едва дождался, когда можно будет вскачь, ветер зашумел было над головой, но замок уже рядом, по обе стороны дороги пошли и даже побежали цветущие кусты. На некоторых уже темнеют ягоды, запах приторно-сладкий.

У замка ни высокого вала, ни рва с подъемным мостом, просто ворота в стене высокого здания, и, когда мы въехали под своды, я заметил в потолке зубцы поднятых металлических решеток, что могут обрушиться и заключить всех прибывающих в отдельные клетки.

Двор невелик, весь из добротного гранита, как стены, так и плиты под ногами.

Донжон впечатляет, эти массивные глыбы громоздили одна на другую циклопы, окна начинаются с третьего этажа, но узкие, снаружи не влезть, а изнутри удобно вести стрельбу из луков и арбалетов.

Из донжона быстро вышел и почти сбежал по ступеням непомерно худой и высокий мужчина, такие в дверях не просто нагибают головы, а гнутся в пояс, дабы не расшибить лоб. Широкий в плечах, руки не толстые, но жилистые, лицо худое, даже аскетичное, но тем заметнее живые черные глаза, четко вырезанный нос с подрагивающими ноздрями и выступающий подбородок, что говорит о силе характера и неуступчивости.

Он отвесил быстрый поклон.

– Ваше высочество...

– Лорд Беверейдж, – ответил я. – Здравствуйте, сэр Джордан! Вы первая могучая крепость на пути врага?

– Увы, – ответил он, – мы не смогли остановить противника. Прошу вас, ваше высочество! Будьте моим гостем, чувствуйте себя свободно, как дома.

Я подавил в себе плебейскую жажду сразу спросить в лоб, что у них за такой странный замок, уверен, все идиоты допытывались при первой же встрече, поклонился учтиво и пошел в прохладный и просторный холл, чуть затемненный, зато дальше в зале светло, как за счет окон, так и благодаря напольным светильникам возле дверей.

В главном зале дожидаются три женщины, все немолоды и чем-то похожи, хотя и заметно, что та, которая на полшага впереди, – хозяйка, а остальные – подруги или фрейлины.

– Моя супруга, – сказал сэр Джордан, – леди Мелисса.

Я поклонился, а она в свою очередь церемонно присела, а оттуда, из низкого приседа, проворковала:

– Ваше высочество...

– У вас так мило, – сказал я.

– Мы привыкли, – произнесла она просто, заранее отвечая на невысказанный вопрос. – Вы у нас хорошо отдохнете, ваше высочество. Ваша армия останется здесь на неделю... или больше?

Я заметил осторожно:

– Вы сразу схватываете суть, леди Мелисса.

– Мой муж двадцать лет водил королевские войска, – ответила она с улыбкой. – Я все знаю о переходах и ночевках. Вам понадобится не меньше недели на отдых. Я имею в виду армию.

Из дальней двери появился невысокий человек в очень ярком костюме и туфлях с настолько высоко задранными носками, что кончики привязал золочеными шнурками к поясу.

Сэр Джордан сказал с затаенной усмешкой:

– Мой управитель Ховард. Он покажет вам ваши покои и даст любые объяснения по замку.

– Отлично, – сказал я. – Не буду больше отнимать у вас время.

Мы раскланялись, управитель после церемонного поклона пошел к той же двери, из которой появился, а там мы начали подниматься по широкой мраморной лестнице, такую бы в королевский дворец, а не в суровый замок.

– Интересная архитектура, – заметил я. – Изыск! Правда, на любителя.

Он покосился на меня с недоверием, в самом ли деле интересуюсь, ответил с таким глубоким почтением, что явно адресовано не мне:

– Строил этот замок барон Гогенцоллерн-Зигмаринген со своими друзьями. Откуда прибыли, в летописях не сказано, но выстроили это здание удивительно быстро. Сейчас бы сказали, помогала нечистая сила, но тогда церковь еще не пришла в эти земли, жизнь только выползала из нор.

– Своеобразная архитектура, – заметил я. – Весьма как бы. Интересное решение фронтона и полупилонов, а также флористический дизайн, что эстетически формирует человека, выражая художественные идеи в непонятных для непосвященных образах... Надеюсь, это строение существует в пространстве и времени, не изменяясь и не развиваясь, как всякие прочие.

Он покосился на меня в испуге.

– А что, есть и такие, что развиваются?

Я воскликнул:

– А вы не знали? Есть ряд проектов, в которых замки сами видоизменяются со временем! Более того, даже в течение одного периода могут менять форму и окраску стен в зависимости от этнической или расовой принадлежности владельцев... ну, это как бы далеко отсюда, объяснять долго, да и незачем, мы же просто, как эстеты, эстетствуем, умничаем и как бы любимся?

Он промямлил на ходу:

– Ну да, как бы ага...

– Ландшафтная архитектура, – сказал я с апломбом, – на высоте, как и архитектура малых форм... я об этих держаках для факелов, какое дивное изящество!.. Это не леди Мелисса создала?.. Нет?.. Странно, я даже не думал, что у кого-то еще найдется такой дивный вкус, так ей и передайте... Ах, у Древних?

Мы поднялись по лестнице на этаж, но управитель не остановился, только шаг замедлил, глаза вот такие, уши шевелятся, я же не только красавец, но и умница редкого разлива, слушает, как я рассуждаю с апломбом ценителя:

– Вот здесь чувствуется барокко и ар-деко, как удивительно гармонично, кто бы подумал! А эта готика в сочетании с динамической архитектурой?.. Прэлэстно, прэлэстно... Мьюз, настоящий мьюз!.. А еще деконструивистский морфогенез!.. Не так ли?

Он проблеял жалко:

– Ну да...

– Недаром мой дедушка говорил, – сказал я со вздохом, – искусство архитектора заключается в том, чтобы превратить дешевый камень в камень из чистого золота.

Он слушал с возрастающим восторгом, наконец, опомнившись, произнес виновато:

– Ваше высочество, позвольте покажу ваши покои!..

– Да, конечно, буду рад.

Он помялся, прибавил извиняющимся тоном:

– Только я порекомендую вам, как знатоку и ценителю, несколько другое, чем то... что мы выбрали для вас вначале.

– Прекрасно! – воскликнул я с энтузиазмом. – Обожаю, когда жизнь меняется к лучшему!

Поднялись еще на этаж, он подвел к самым роскошным дверям на этаже и коснулся выступающей медной головы дракона.

– Прошу вас.

Я с порога понял, что здесь даже императоры не смогут придаться к убранству. Не только пышность, но и величие. Сами стены дышат уверенностью и ощущением значимости, только одна мелочь слегка покорила: на одной из полок, украшенной орнаментом из золота, выстроились в ряд несколько человеческих черепов разной величины, от размеров с кулак до лошажьеобразного, но все же человеческого.

Управитель начал показывать и объяснять, что тут и зачем, но я вежливо прервал:

– Вообще-то гостям всегда и везде прежде всего показывают комнату, где можно помыть руки.

Он в недоумении раскрыл рот.

– Руки? Зачем их мыть?

– Можно не мыть, – сказал я терпеливо, – какой дурак их там моет, если говорить правду, но делают вид, что моют, а на самом деле...

Я объяснил просто и доходчиво народным языком, зачем гостям в первую очередь нужно показать эту самую комнату. После третьего повторения он понял, хотя так и остался с раскрытым ртом, не понимая, почему это простое и нужное деяние заменяется ненужным эвфемизмом «мыть руки».

Он терпеливо дождался, пока я помыл руки, а то и ноги, я не спешил, а когда я неторопливо вышел, угодливо поклонился.

– Что-то желаете еще?

– Уже нет, – ответил я. – Кстати, вот эти черепа... Они что-то умеют делать?

Он воззрился на меня в удивлении.

– А зачем бы их здесь держали? Не из-за красоты же!

– Ну да, – пробормотал я в замешательстве, – в самом деле, вкусы у вас вроде бы мужские... ну, в смысле, без выпендренности и всякого такого.

В коридоре пронесся топот, словно на своем гиганте скачет, задевая стены, Сулливан, но в комнату ворвался запыхавшийся Зигфрид, быстро зыркнул по сторонам.

– Ваше высочество!

– Зигфрид, – сказал я с неудовольствием, – здесь только мы. А это управитель замка, он уже уходит.

Управитель поклонился и торопливо выскользнул за дверь в коридор.

– Ричард, – сказал Зигфрид, нехотя вспомнив про мое требование к старым друзьям обращаться по имени, – это свинство! Я должен в любое помещение входить первым, иначе какой я телохранитель!

– Здесь меня никто не ждал, – напомнил я, – а чтобы подготовить покушение, нужно столько времени и усилий, что мы отсюда уйдем раньше, чем гнусный враг узнает, где мы прячем деньги и шкуры.

Не слушая меня, он прошелся вдоль стен, ощупывая их не только взглядом, но кое-где простукивая кулаком или костяшками пальцев, но двигался быстрее, не замирал, как я, перед стеной, рассматривая ее бараньим взглядом.

Я все еще пытался понять, зачем это было сделано, а он возник за моей спиной, спросил тревожно:

– Что-то чувствуете?

– Да, – ответил я.

– Ловушка?

– Пока не понял, – ответил я.

Он обернулся и посмотрел на меня очень внимательно.

– Сэр Ричард... а вы случайно не...

– Совершенно не, – ответил я. – Но я паладин.

Он пробормотал:

– Паладины вроде бы только лечат...

– У тебя устаревшие сведения, – сказал я. – А превращение пороса в караса?.. Кстати, что с твоей спасенной? Ты вообще-то быстро. Сбросил с седла по дороге?

– Довез до города, – сказал он быстро и отвел взгляд, – дал ей немножко монет и оставил.

– Ну и молодец, – одобрил я, – а то мог бы нянчиться и дальше. Иногда такая дурь на всех нас находит.

Он покачал головой.

– Мы должны спасать... а вытирают носы себе пусть сами.

Оба окна выходят на ту сторону двора, где стена и земля вокруг страшно оплавлены, но человек ко всему привыкает, иначе бы сэр Джордан давно бы отсюда убежал, бросив бы даже замок.

Я прошелся по комнате, стараясь понять, что в ней такого, из-за чего по спине прокатываются волны предостерегающего холода. Еще не сигнал об опасности, просто предостережение, мол, здесь на самом деле не все такое, каким выглядит.

Окна красивые и соразмеренные, но слишком далеко одно от другого, между ними должно быть еще одно, если мне как-то не изменяет мое врожденное, но обычно сильно дремлющее, а то и вовсе часто впадающее в спячку эстетическое чутье.

Подошел ближе к этому месту, что-то в нем неправильное, осмотрелся, вроде бы едва заметная дымка, слегка мерцающая, как будто комары толкуются в теплом вечернем воздухе, пощупал стену.

Там за примитивным гобеленом каменная кладка, однако камни несколько иные, то ли гранит и песчаник, то ли одни обработаны чем-то, а другие нет, но когда провожу пальцами по стене, перед глазами обрисовывается контур...

...нет, не окна. Здесь была дверь, ее заложили отесанными глыбами, замазали щели, сверху навесили гобелены. Это понятно, та половина здания сгорела в дьявольском огне, дверь уже никуда не ведет, потому ее заложили, а справа и слева прорубили окна, так как эта стена теперь стала внешней.

С другой стороны, проще было и дверной проем превратить в оконный, было бы три окна, что так напрашивается по композиции, пропорциям и соразмерности помещения.

Я пощупал стену, странное ощущение, за стеной что-то есть, почти осязаемо чувствую целый зал или хотя бы большую комнату, хотя, если выглянуть в окно рядом, то лишь выжженная земля, красные лужи расплавленного камня и крохотные гейзеры, вздымающиеся на половину ярда...

За спиной Зигфрид спросил с напряжением в голосе:

– Там что-то спрятано?

– Вряд ли, – ответил я рассеянно. – Ты ляжешь спать здесь?

Он покачал головой.

– Вообще не лягу. А дежурить буду с той стороны двери. Чтобы никто не подошел и близко.

– Хорошо, – ответил я кротко.

Он понял правильно, повернулся и вышел. Я пощупал сперва браслет, полученный в наследство от Хиксаны Дэйт, но тот остается просто украшением, затем решительно повернул кольцо на пальце, тоже от нее же, и почти ощутил, как стена разом стала иной, хотя внешне это все тот же плотный камень.

Я наклонился и, набрав в грудь воздуха, присел на корточки и сунул в стену голову, готовый в любой момент рвануться обратно.

Когда перед глазами вспыхнул красный свет, я чуть ли не дернулся взад, однако успел сообразить, что это не расплавленная земля и озера кипящей лавы, а своеобразный рисунок на блестящих плитах пола.

Я торопливо воздел себя на ноги, а то уже погрузился по щиколотки, с силой вдавился в стену, делая шаги, словно поднимаюсь по ступенькам, чтобы держаться на горизонтальной поверхности.

Стена показалась не такой плотной, как в прошлые разы, я вышел в залитом ярким солнечным светом зале, однако над головой вместо неба высокий каменный свод, хотя впечатление такое, что солнце светит прямо через него.

Замерев, я быстро повернул кольцо, пол сразу подтвердел и перестал вести себя, как жидкая глина, а я прислонился к стене и торопливо оглядел весь зал в тепловом, запаховом и всех диапазонах, что, подозреваю, все еще расширяются.

Зал огромен, словно в нем собираются великаны, весь из золота, так выглядит. Во всяком случае, все залито оранжевым светом. Посреди зала обрамленное золотистым бортиком озеро с фонтаном, что красиво разбрасывает струи вверх и в стороны, но ни одна капля не падает за пределы фонтана. В стенах огромные ниши, где поместились бы небольшие небоскребы, но сейчас там статуи воинов в старинных доспехах, некоторые в спокойных позах, другие в воинственных. Над нишами очень богатый орнамент, элементы растений перемежаются с крыльями бабочек и совсем уж символическими фигурками...

Рядом со мной на стене щит старинного образца: круглый, с вырезом в виде полумесяца сверху, я узнал щит знаменитых гоплитов. На щите барельефом с жуткой экспрессией изображена голова разъяренной женщины, черные волосы толстыми прядями вокруг головы... мгновение спустя я понял, что это не пряди, а змеи, извивающиеся и со злобно оскаленным пастьми.

Я смотрел на лицо женщины, холод вошел в мое тело, сперва заледенил кожу, потом кровь, начал пробираться глубже. А я таращил глаза в ужасе, понимая, что это и есть та самая Медуза, прекрасная титанида, которую зверски изнасиловал Посейдон, после чего у нее в глазах застыла такая горечь и ярость, что всякий, на кого она посмотрит, превращался в камень...

Я с трудом оторвал взгляд, заолодевшее тело едва не пошло трещинами, а я часто хватал ртом воздух и со злостью думал о неведомом художнике, нашел же, гад, как применять талант. Ну что за дурь, делать пугалки и страшилки, сердце чуть не выскочило, до сих пор ноги холодные, а мог бы о добром и вечном...

Глава 3

Она вошла нечеловечески спокойная, идеально прекрасная с теми миндалевидными глазами, при взгляде на которые начинает стучать сердце, а душа замирает в тоске по чему-то высокому и неизведанному.

Лицо все так же совершенно, как и при нашей первой встрече, губы полные и алые, красиво и подчеркнуто чувственно вывернуты.

Я засмотрелся на ее остроконечные уши с теми же массивными серьгами в мочках, а она повернулась ко мне, в ее взгляде абсолютно никакого интереса, но в позе читается, что чего-то ждет.

Я выпятил грудь и сказал властно:

– Ну, что на этот раз будет предложено мардоргу?

Она произнесла вопросительно:

– Что вам угодно?

– Я мардорг не капризный, – сказал я, – ничего особенного, а так... обычный набор услуг! Я проделал долгий путь, устал, потому восхотел вот отдохнуть и подзаправиться.

Она произнесла без выражения:

– Подзаправиться?.. Это как?

Я сказал в затруднении:

– Мне нужно быть в хорошем состоянии... ну, моему телу, одежде и духу. Ты ведь знаешь, как это делается.

Она ответила все так же без выражения прекрасным чистым голосом, как не может говорить ни один человек, но хотел бы так говорить всякий:

– Я все сделаю, мардорг.

– И еще, – сказал я, – я тут поистрепался в дороге... Одежда моя и все на мне тоже весьма устало и хочет есть. И восстановить силы. Ну, ты поняло...

На ее личике ничего не отразилось, может, и в самом деле поняло, хотя кто знает как, вдруг да решит просто прибить поистрепавшегося и заменить новым, чего только в наших культурах не было. Хотя, конечно, до демократии еще никто не додумывался, если не считать греков, но там у каждого демократа было как минимум по два раба.

Она принесла еду, а я смотрел на ее безукоризненное лицо и почти с ужасом думал, что я вот, возможно, на краю величайшей разгадки нашей вселенной, а сижу и жру, а мысли заняты тем, как десятидневный отдых сократить до недели, а то и до пяти дней, это дало бы нам огромные преимущества, ибо тот, кто двигается быстрее, выигрывает в войнах...

До чего же из-за этой обыденности мы становимся равнодушными к окружающим нас чудесам! Да и понятно, когда речь о выживаемости, не до изучения чудес.

Клянусь, сказал я себе мрачно, вот прямо с сегодняшнего дня начну составлять карту этих мест, чтобы потом как-нибудь вернуться и как следует порыться, как курица, что разбрасывает целый холм в надежде найти червячка.

После обеда я, не вставая из-за стола, посмотрел в далекий арочный проем, что ведет в соседний зал. Тот еще роскошно-помпезнее, словно у дорвавшегося до могущества голова закружилась от невообразимых возможностей творить небывалое. Огромные статуи воинов, возможно, языческих богов, чудовищно невообразимые животные, которые уж точно созданы большой фантазией, понятно же, что у хищника не могут быть еще и рога или копыта...

Я судорожно вздохнул, посмотрел на стены своего зала. Эти исполинские окна, через каждое можно перевезти на катках Кельнский собор, но, как чутся, эти окна либо декорация, либо никогда не открываются...

Да и зачем, мелькнула мысль. Окна для того, чтобы впускать в дом свет, для этого распахивать без необходимости. Это же на каждую створку понадобится до тысячи демократов, чтобы открывали-закрывали, нет, двери вроде бы вон там...

Я заколебался, очень хочется рискнуть и попробовать выйти в тот блистающий мир... Однако близко нет человеческих жилищ, а пока отыщу, здесь все может катастрофнуться.

– В следующий раз, – сказал я себе твердо. – Как только, так сразу! Но не раньше. Отец народа не имеет права на личную жизнь, когда Трансвааль в огне.

Во дворе испуганный и радостный визг, там Бобик где-то подобрал бревно, а то и выломал, носится с ним прыжками, уговаривая всех взять и побросать ему да подальше, подальше, а народ увертывается, чтобы не сшиб, а если кого заденет, все остальные ржут, как сумасшедшие, ничего себе забаву нашли...

– Бобик, – сказал я с укором, – как тебе не стыдно? Скоро тыща лет стукнет, а ты все как щеночек...

Зигфрид спросил с недоверием:

– Тысяча лет?

Я пожал плечами.

– Да это я так, округляю. Может быть, и две, мы же не женщины, чтобы годы считать да морщинки разглядывать?

Во двор въехал разряженный Палант, но ему не сравниться со скромно-пышной элегантностью Альбрехта, за ними епископ Геллерий в своем парадном облачении.

Слуги побежали навстречу перехватывать лошадей, я сошел по ступенькам с улыбкой на лице, так надо, хотя и в самом деле это мои друзья.

Следом вышел сэр Джордан, никак не привыкну к его долговязости, и сразу сказал с виноватой улыбкой:

– Я взял на себя смелость пригласить ваших соратников. Да не будет вам скучно в нашем обществе.

– Спасибо, – ответил я с чувством.

Альбрехт и Палант почтительно приветствовали лорда, тот сказал учтиво:

– Я счастлив видеть героев, что побеждают армии Мунтвига.

Палант сказал гордо:

– Мы победили, ибо с нами Бог!

Геллерий помялся, побряхтел, я краем глаза наблюдал, как он повернулся к Паланту и сказал негромко:

– Сын мой, никогда не говорите, что Господь на вашей стороне. Лучше постарайтесь сами быть на стороне Господа.

Альбрехт усмехнулся, и пока Палант с епископом обменивались любезностями с хозяином, наклонился к моему уху и шепнул тихонько:

– Бог, конечно, с нами, но это мало что меняет. Он был с нами и на выборах короля в Сен-Мари! Но его голос не засчитали.

Управитель подошел к Геллерию с поклоном, сказал просительно:

– Святой отец, благословите... У нас уже месяц нет священника.

Епископ тяжело вздохнул.

– Сын мой, – проговорил он кротко, – я не скажу, что это богохульство, но все-таки... гм... так можно обращаться только к папе римскому. Если не выговоришь «ваше преподобие», то можно проще, «отец мой», ибо у нас нет своих семей, а все прихожане – наши дети.

Управитель смутился, пробормотал:

– Простите, святой... ой, ваше преподобие, мы тут в глуши правильного обращения не знаем, как и наши местные священники...

Он еще раз поклонился и ушел, я посмотрел ему вслед, стараясь вспомнить, как я называл и почему меня не поправляли. Похоже, в разных королевствах и даже разных группах населения закреплялось свое, к единому знаменателю все еще не пришли, а это говорит, что удар по цивилизации был нанесен ужасающей силы и последствия все еще аукиваются.

Настроение сразу испортилось, начал думать о звезде Маркус, эта сволочь все ближе, а все только и думают, где бы укрыться от ее страшного гнева.

Очнулся я от мягкого голоса отца Геллерия:

– Дорогой Палант, все рыжие женщины, как известно, ведьмы. Но так как в Писании сказано, что Ева была с рыжими волосами, то этот факт про нашу прародительницу как-то не радует. Даже тревожит... А вас, ваше высочество?

Я тяжело вздохнул:

– Зато это объясняет природу магии. Хотя я раньше полагал, что она вся идет только от проклятого Змея Искусителя.

– Увы, – произнес он, – это было бы полбеды.

– Верно, – согласился я. – В общем, получается, проблема гораздо глубже и ширше, чем мы всегда думали. А также думали до нас. Но с ведьмами в самом деле непросто... Сейчас мы охотимся на ведьм, но наступит время, когда ведьмы начнут охоту на нас.

Палант испуганно перекрестился, трижды сплюнул, показал кукиш через левое плечо, а потом еще на всякий случай из-под ноги.

– Ваше высочество, – сказал он плачущим голосом, – что вы такие страсти рассказываете!.. Теперь не засну весь день... а ночью кусок пирога в горло не полезет.

– Это будет не скоро, – утешил я. – Да и не такая уж катастрофа в сравнении с Войнами Магов. Эти ведьмы будут на вас охотиться, а вы так это лениво прикидывать, какой податься...

Он воскликнул с возмущением:

– Как? Уступить охоту женщинам?

– Да, – согласился я, – эти дуры только все испортят. Главное, нас, таких неповторимых. Хотя портимся мы с таким удовольствием!

Сэр Джордан, прислушиваясь с улыбкой, широко раскинутыми руками теснил нас к распахнутым дверям.

В холле вдоль стены я заметил несколько смешных бронзовых собачек с задранными кверху мордами и полураскрытыми, словно для протяжного воя, пащечками.

Кто-то им всем вставил по цветочку, я запоздало понял, что здесь такие вазы, вон даже у всех губы вытянуты трубочкой, так ни собаки, ни волки не делают.

Обед был настолько хорош, что я нажрался, как три кабана, а Палант, Альбрехт и Геллерий тоже ели с таким аппетитом, словно и они мардорги, которым обслуживающий персонал той стороны замка готовит и подает свои блюда.

Сэр Джордан поинтересовался осторожно:

– А как насчет армии, что недавно прошла через наши земли в сторону юга.

– Мы ее встретили, – сообщил я.

Он спросил тише:

– И... как?

– Вообще-то, – сказал я лихо, – там уже винивидивицнули пару армий... если не больше. Но кто запоминает такие мелочи?

Он посмотрел на меня несколько странно.

– Да, конечно... Ваше высочество, я впервые вижу такого прекрасного коня, как у вас. Думаю, мчаться на таком все равно что мчаться по небу!

Я ответил вежливо:

– Если Всевышний в самом деле устроил мир верно, то люди должны ездить верхом.

Все заулыбались, сэр Джордан собственноручно взял кувшин и налил мне в серебряный кубок.

– Ваше высочество, – произнес он церемонно, – мы будем рассказывать детям, что у нас останавливался сам Ричард Завоеватель!

Альбрехт подмигнул мне, дескать, уже никто не упоминает ни гротсграфа, ни фюрста, ни даже принца, куда значительнее звучит это вот – Ричард Завоеватель!

Глава 4

После обеда я постарался выжать из сэра Джордана максимум об этих землях, где Бриттия соприкасается с Ирамом, и хотя ничего необычного – тьфу-тьфу – не обнаруживается, но обстановка, как и везде вблизи границ, не ах.

Приграничные бароны то и дело вторгались на земли соседнего королевства, что дело вообще-то обычное. Так же делают и внутри королевства, это же так естественно – напасть на соседа и показать свою удаль, угнав у него скот, и сжечь пару деревень. Но еще больше чести пограбить подданных не просто другого лорда, но другого короля.

К счастью, нашествие Мунтвига прекратило эти мужские забавы: кто-то оказал сопротивление нашествию и расстался с головой, кто-то присоединился к Мунтвику, кто-то ушел и затаился, но все равно здесь бурно кипит котел страстей, взаимных обид и постоянной вражды.

– Хотя, – добавил он с улыбкой, – слон может не обращать внимания на муравьев.

– Да, – согласился я, но все же спросил: – Но разве Царство Небесное можно построить на силе?

Он развел руками и смолчал.

Слуги отвели меня в покои, где я заснул моментально, едва опустился на ложе, даже не успел положить голову на подушку. И то ли устал нечеловечески, то ли дал себе твердую установку насчет никаких прыжков в сторону, но очнулся утром на том же боку и в той же позе, понимая, что ничего не снилось и даже никаких санегерий, что вообще-то немножко разочаровывает, ибо как бы обидно.

В коридоре помимо Зигфрида ждет слуга. Я пошел было мимо, он поклонился и сказал бесстрастно:

– Ваше высочество, мне велено проводить вас к завтраку.

– Что, – спросил я, – снова в другом зале?

Он взглянул удивленно.

– Но кто же завтракает там, где и ужинал?

– Гм, – ответил я, – вообще-то меня всегда несет туда, где в прошлый раз хорошо поел.

Такая вот у меня странная память.

Едва мы показались на лестнице, внизу прозвучали фанфары, наверное, для аппетита. Я сошел с царственной улыбкой, управитель перехватил меня на нижней ступеньке и, придерживая под локоть, провел в комнату для завтраков.

Здесь чуточку скромнее, чем в том, где обедали вчера, даже сами сэр Джордан и леди Мелисса в более домашних одеждах, хотя все еще богатых и по моде пестрых.

– Как спалось, ваше высочество?

– Спасибо, – ответил я и зевнул, – еще бы дрых, у вас так уютно, если бы не эти обязанности человека...

– Ваш лагерь великолепен, – сказал сэр Джордан, – все настолько четко организовано, я впечатлен! Скажу честно, без лести, армия Мунтвига хоть и многочисленнее, однако в ней больше стихийной мощи, но меньше дисциплины.

– Отрадно слышать.

– Кстати, – сказал он скромно, но чуточку раздуваясь от гордости, – один из моих родственников горит желанием поквитаться с Мунтвигом...

– Личная обида?

– Армия Мунтвига, – сообщил он, – начисто снесла его поместье, оказавшееся на пути. Без злобы, просто двигались прямо... и вбили в землю все, что там высывалось. Теперь даже не вспашешь, земля тверже камня!

– Личные мотивы? – спросил я. – Да, чувство мести – это не всего лишь любовь к отечеству! На чувство мести положиться можно, это надежно. Пусть идет, если не передумает, в моем войске с десятков отрядов лордов Бриттии.

Макс носится по своей части обширного лагеря на легком коне быстрее конников Норберта, встрепанный и запыхавшийся.

Я вскинул руку, останавливая, он торопливо натянул повод, конь недовольно поднялся на дыбы, даже не приседая на круп, и помолотил копытами по воздуху, показывая, как он лично к этому относится.

Макс соскочил на землю, лицо встревоженное.

– Ваше высочество?

Ему не вдолбить, что я для него Ричард или сэр Ричард, потому я просто спросил:

– Ты что творишь?.. Если военачальник носится с таким видом, это может вызвать панику!

Он широко раскрыл невинные синие глаза, даже сейчас по-детски голубые, щеки мгновенно воспламенились совсем не мужским румянцем.

– Ваше высочество!.. Почему?

– Максимилиан фон Брандесгерт, – сказал я строго, – ты же граф и командуешь самой ударной силой во всем известном нам мире!.. Ты должен быть толстым и важным. Ну хотя бы просто важным. Это внушает!

Он сказал почти жалобно:

– Ваше высочество... Ну не получается у меня быть важным. Это на официальных приемах надо, а я не...

– Придется тебя поводить на эти приемы, – сказал я.

– Ой, – сказал он в испуге, – а может... как-то можно без?

– Если не будешь стараться все делать сам, – сказал я. – Вот такое условие. У тебя же сколько опытных сотников!

– Буду стараться, – пообещал он. – Вообще-то я уже стараюсь!

– Война с Мунтвигом когда-то кончится, – пообещал я, – но военная реформа будет продолжаться. И хотел бы я посмотреть, как ты будешь носиться из королевства в королевство, чтобы везде успевать вот так самому, как сейчас!.. Все, иди, пока не побил.

Его заостренные уши, еще чуть – и почти эльфячьи, дрогнули и, на мой взгляд, печально приопустились, но тут же он воспрянул и посмотрел на меня счастливыми глазами.

– Так будет везде?.. Во всех королевствах? Ну, которые...

– Да, – подтвердил я. – Ну, которые. Ты понял правильно.

Он прошептал благоговейно:

– В самом деле мы изменим мир...

– Изменим к лучшему, – согласился я. – Так что начинай с себя немедленно. Не жди, когда пойдет дождь.

Он быстро зыркнул на небо, там погромыхивает, а внутри наползающих тяжелых рваных туч, темных и грозных, поблескивает что-то багровое, однако ветер иногда отгоняет, иногда раздвигает в клочья, небесная жаровня гаснет, но ненадолго.

– Буду стараться, – заверил он.

– Что? – спросил я строго.

Он промямлил:

– Ну... быть толстым и важным.

– Старайся, – сказал я милостиво, – а то побью.

В лагере старательно натягивают веревки потуже, забивают дополнительные колышки, я проехал в центр, передал Зайчика подбежавшим воинам.

Бобик понесся к кострам, держа нос по ветру. Навстречу мне неспешно двигается огромный Сулливан, из доспехов на нем только стальные поножи, остальное явно сдал бронникам на выравнивание вмятин.

Без доспехов он выглядит почему-то еще огромнее, словно панцирь служит корсетом, а руки держит слегка в сторону, как привык в доспехах, но без них это выглядит угрожающе.

Остановившись, пылливо всмотрелся в меня.

– Ваше высочество, – сказал гудящим, словно ветер в трубе голосом, – там все в порядке?

– Да, – заверил я, – все неплохо устроились. Как вы тут?

– Тоже в порядке, – ответил он. – Кстати, к нам прибыла парочка гостей. Не пугайтесь, пара очень пожилых супругов... эх, имя тут же забыл, дырявая память, вроде бы и мяса ем много, и пью, как лошадь, даже как две... а иногда и три...

Я поморщился.

– С какой целью? Почему прямо в лагерь?

– Говорят, личное дело.

Я буркнул:

– А к кому?

– Говорят, хотели бы переговорить с вами.

Я поморщился.

– Человек я общественный, никакой личной жизни. Даже женился по государственной необходимости.

Он уточнил:

– Это когда вы изволили полужениться?... Да и что за необходимость была, уже догадываюсь, зная ваши... гм... достоинства. Так что, гнать их в шею?

– Еще скажите, пинками, – подсказал я. – Пожилых, даже престарелых людей!

– Да они не слишком престарелые, но да, весьма пожилые.

– Где они сейчас?

– Я разрешил им пока отдохнуть в моем шатре.

Я покачал головой.

– В следующий раз пусть ждут у костра, на виду.

– Ваше высочество! Думаете, сопрут что-то? Такие с виду солидные, умудренные, мудрые...

– Жуликам, – заверил я, – как никому необходим достойный облик. Ладно, посмотрим, что за гости.

– Велите позвать?

– Сам загляну, – ответил я и пояснил: – Уважим старых людей.

Я откинул полог и сразу ударился, как в стену, о взгляды этих супругов, совсем еще не престарелых, хотя да, основательно пожилых. Оба сидят рядышком на широкой лавке, положив руки на колени, плечи соприкасаются, чувствуется, что давно уже одно целое, а еще мне показалось смутно, что сидят, не шевелясь, с того момента, как их привели сюда и предложили подождать.

Сулливан прорычал учтиво:

– Ваше высочество, вот эти двое, без всякого сомнения, благородных господ...

Однако в его напряженном голосе я ощутил некоторое колебание, хотя оба супруга одеты добротно и богато, явно из чистого сословия, в то же время я и сам ощутил в обоих нечто странное, тревожное и в то же время знакомое, будто с ними уже общался, но вот не могу вспомнить.

На всякий случай взялся за шест, чтобы не пошатнуться, быстро взглянул тепловым, а следом в запаховом диапазоне. Абсолютно ничего лишнего, только погрузневший от прожитых лет немолодой лорд и его жена.

По телу прошла нехорошая дрожь, мой спинной мозг все равно трусит, посылая тревожные сигналы.

Они оба разом поднялись, женщина присела в низком поклоне, а мужчина произнес приятным рокочушим баском:

– Ваше высочество, для нас большая честь увидеть вас!

– Чему обязан? – спросил я в лоб.

Он сказал торопливо:

– Позвольте представиться, ваше высочество, владетельный сеньор Филипп Моссман, а это моя супруга, леди Гассерда...

Леди Гассерда одарила меня поистине материнской улыбкой. Я улыбнулся и кивнул, стараясь выглядеть беспечным, но следил за каждым их движением.

– Рад вас приветствовать, уважаемые, – сказал я. – Что вас привело в наш походный лагерь, когда рядом большой и богатый город?

Женщина вздохнула и сделала горестное лицо, а ее супруг ответил деревянным голосом:

– Ваше высочество, мне стыдно вас тревожить по такому пустяку, но мы уже год разыскиваем своего сына.

– Он точно у нас? – спросил я.

– Следы привели к вам.

Я посмотрел с настороженностью.

– Какие следы? Вы в состоянии чувствовать даже такие следы?

Он вздохнул и развел руками.

– Слепые, ваше высочество, хорошо развивают слух... так и у нас что-то за счет чего-то.

– Ладно, – сказал я, – если отыщете, буду рад за вас. Правда, я не припоминаю в своей армии сына Филиппа Моссмана...

Они разом улыбнулись, а сэр Филипп сказал доброжелательно:

– Ваше высочество, ну не поверю, что вы знаете всех своих воинов по именам, ха-ха!

– Рыцарей знаю точно, – заверил я. – Располагайтесь в лагере, вам окажут необходимую помощь, хотя я сомневаюсь, что его будет найти так просто.

– Мы найдем, – заверил сэр Филипп.

– Ага, – сказал я, – у вас есть какие-то амулеты?

Они переглянулись, он ответил с заминкой:

– Я слышал, вы, как воин-крестоносец, против амулетов, однако... да, у нас есть нечто... что показывает его следы. Мы проделали долгую дорогу, где только не петляли! Постранствовал он еще больше, чем его отец в молодости... Но наконец-то след вывел сюда. Самый свежий.

– Хорошо, – сказал я, – желаю вам всяческого успеха. Но лучше, если вы скажете его имя. Вполне возможно, если не я, то кто-нибудь из военачальников вспомнит такого. Это вам облегчит поиски.

Они снова переглянулись, сэр Филипп сказал с мягкой улыбкой:

– Мы хотим сделать нашему мальчику сюрприз.

Жена добавила:

– Он так обрадуется!

– Если так, – сказал я с сомнением, – что ж, ищите. Почти все в лагере, если, конечно, не считать тех, кто ушел в город за покупками или что-то продает из добычи... а также людей конной разведки, они тоже постоянно в разъездах.

Жена посмотрела на мужа с вопросом в глазах, но тот сказал безмятежно:

– Ничего, мы найдем. Спасибо за ваше время, ваше высочество. И вашу доброту.

Когда мы с Сулливаном вышли из шатра, я сказал ему тихонько:

– Пусть за ними проследят. Что-то оба мне как-то не нравятся.

– А кто вам нравится? – возразил он.

– А как они тебе самому?

Он покачал головой.

– Что-то в них скользкое. И вообще странное впечатление. Чувствую холод от них, но в то же время как будто в них обоих и столько жара внутри, что хватит на лесной пожар.

– Ну-ну, – проговорил я, – мне казалось, что я один такой страхополох. Значит, не чудится.

Глава 5

Через час он ввалился в мой шатер и прорычал мрачно, что супруги Моссманы уже несколько часов находятся в шатре, хотя вообще-то должны бы обшаривать весь лагерь в поисках сына.

– И что они говорят? – спросил я.

– О чем?

Я сказал сердито:

– Не поверю, будто ты не спросил их, что у них за странная манера искать потерянного сына.

– Спросил, – ответил он сумрачно.

– И что?

Он пожал плечами.

– Манера в самом деле странная. Говорят, больше всего его следов здесь. Возле вашего шатра.

– Моего? – переспросил я. – Они что-то плетут не то.

– Спросите их сами, – предложил он.

– И спрошу, – рыкнул я. – Не люблю, когда непонятки прямо под носом! Может быть, какие-то хитрые шпионы?.. Пойдемте, сэр Сулливан!

Я вошел в его шатер и сразу ощутил, что с того момента, как мы вышли, супруги Моссманы даже не пошевелились. Мне даже показалось, что и глаза у обоих остекленели, но едва я переступил порог, сэр Филипп шевельнулся и сказал живо:

– Ваше высочество?..

– У меня вопрос, – проговорил я, – каким образом вы чувствуете какие-то следы своего сына вблизи моего высочества... как вы говорите, его зовут?

Они разом вздохнули, словно это один человек, затем он ответил с запинками:

– Его зовут... Зигфрид...

– Зигфрид? – переспросил я. – А при чем здесь какие-то Моссманы?

Он ответил с неловкостью:

– Вообще-то я Терьяр Кунинг, владетельный сеньор... А это моя жена...

– Это чуточку ближе, – ответил я угрюмо, – Зигфрид, насколько помню, ваш младший сын, а род ваш знаменит тем, что идет от древних Нибелунгов, которые не то дракона убили, не то золото у него сперли. Только я не понял, почему вдруг вам понадобилось называться другим именем. Насчет Зигфрида могу сказать только, что он ненадолго отбыл в город.

Женщина встrepенулась и сказала, прислушиваясь к неведомому для нас зову:

– Наш ребенок уже возвращается.

– Ого, – сказал я невольно, – какое чутье!

– Материнское, – ответила она ласково.

Сулливан молчит, только рассматривает их пытливо, а я сказал с подчеркнутой живостью:

– Ну тогда, любезные родители, пойдемте встречать вашего долгожданного сына!

Они торопливо поднялись, сэр Кунинг сказал быстро:

– Спасибо, ваше высочество! Мы сами выйдем навстречу, так будет удобнее.

– Зачем же, – возразил я, – я буду раз присутствовать на трогательной встрече родителей с сыном. Это так волнительно, так весьма щипательно, сердцепрыгательно... Вон герцог Сулливан уже скупую мужскую вытирает... Герцог, я говорю про слезу, а вы что там трете?

Сулливан заметно напрягся, когда супруги Кунинги, уже не слушая меня, торопливо прошли мимо, задев его краем одежд, а когда за ними опустился полог, быстро прошептал, это было похоже на хрип придавленного бревном медведя:

- Я не верю ни единому слову!
- Я тоже, – ответил я.
- Что-то будем делать?
- Сперва посмотрим... но будь наготове.

Мы вышли и обогнули шатер, а там у коновязи Зигфрид уже соскочил с коня, набросив повод на крюк, и быстро направился в нашу сторону. Он еще издали заулыбался мне, показывая, что все в порядке, а супруги Кунинги торопливо шли ему навстречу, убыстряя шаг.

Я тоже непроизвольно пошел быстрее, сердце стучит чаще, чувствует недоброе, что-то Зигфрид никак не реагирует на появление своих родителей, ни ликования, ни злости, вообще ничего, как будто впервые видит.

Он бы и прошел мимо, но они заступили ему дорогу. Сэр Кунинг распахнул объятия с таким жаром, что Зигфрид даже отступил на шаг.

О чем они говорили, я не слышал, пока не напряг слух, но услышал только некое шипение и щелканье.

Мои руки сами вытащили из колчана стрелу с наконечником из чистого серебра. Сулливан быстро посмотрел на меня, потом на встречу родителей с сыном, а его пальцы начали нащупывать рукоять меча.

Я наложил стрелу на тетиву, но пока не натягивал, на это понадобится меньше секунды.

Зигфрид некоторое время разговаривал с ними, затем обнял обоих за плечи и повел в мою сторону. Я вздохнул с облегчением, быстро передал Сулливану лук и сделал вид, что вообще не знаю, чего это он у него.

Они подходили все трое очень серьезные, хотя родители и пробуют улыбаться, но получается как-то натянуто, а Зигфрид выглядит скорее мрачным, чем обрадованным.

- Ваше высочество, – произнес он, замедляя шаг, – это в самом деле мои родители...
- Сэр Кунинг... – сказал я, однако Зигфрид прервал:
- Это не Кунинги, ваше высочество.

Женщина испуганно вскрикнула, ее супруг взглянул на меня так, словно уже уклоняется от моего меча.

- Я спросил медленно:
- Ты хочешь сказать...
- Он кивнул.
- Да, они... не люди.

Те, кто выдавал себя за супругов Кунингов, поспешно отступили от меня, но Зигфрид сказал им поспешно:

- Его высочество все знает. И про меня, и про вас.

Они оба изменились в лицах, на меня уставились с еще большим страхом и непониманием. Наконец «сэр Кунинг» проговорил, запинаясь:

- Но... как ты...
- Пришлось, – ответил ему Зигфрид. – Ничего не изменилось. Я так же служу его высочеству, как и служил. Потому... все гораздо проще. Не нужно что-то придумывать и скрывать. Его высочество знает, что я – демон, младенцем подброшенный вами в семью сэра Кунинга. Там я вырос и так бы и не узнал, что я не человек, если бы не случайность...

Я сказал как можно более спокойным тоном:

- Да, все верно, я это знаю. Как я понял, вы прибыли навестить сына?

Они все трое замолчали, только переглядывались, наконец Зигфрид проговорил несколько сдавленным голосом:

– Не совсем так, ваше высочество.

– При родителях, – напомнил я, – ты можешь обращаться ко мне, как и наедине, по имени.

– Спасибо, – произнес он, – они будут польщены. Однако, ваше высочество, лучше я буду так, потому что вся сложность в том, что... они прибыли не для того, чтобы повидаться.

– А зачем, – спросил я, – если это не совсем секрет?

Он покачал головой.

– Для вас нет секретов, ваше высочество.

– Говори.

– Они уговаривают меня... вернуться.

Улыбка его была невеселая и чуточку виноватая, словно в чем-то подводит меня.

Я переспросил в некотором недоумении, хотя подсознательно догадывался, зачем явились его биологические родители.

– Вернуться... в их племя?

– Да.

– Но разве не они тебя выпустили... в свободный полет?

Он тяжело вздохнул.

– Да, но... так уж получилось. Оказывается, нас не просто мало, а совсем мало. И когда погибли еще двое из наших, то... остался из молодых я один.

Я переспросил:

– Последний из могикан? В смысле, из своего племени?

– Да, – ответил он невесело, – я последний.

Я посмотрел на Сулливана, тот вообще ошалел, он и про Зигфрида слышит впервые, а я сказал:

– Знаете, такие вопросы на ходу не весьма. Зигфрид, отведи родителей в мой шатер, угости вином... если они пьют, а мы с герцогом пока прогуляемся по лагерю. Решим свои дела, а вы без спешки – свои.

Зигфрид сказал виновато:

– Ваше высочество, мне просто неловко...

– Все в порядке, – ответил я. – Зигфрид, мы с тобой старые друзья, можно без особых церемоний. Люди – единственные существа на свете, у которых есть свобода воли. Все мы можем сами решать, как поступить правильно. И у тебя есть эта свобода, ибо ты сейчас человек. У меня нет враждебности к твоему племени, я знаю из него только тебя, а ты настолько хорош, что тебя любят все, кто с тобой сталкивается. Так что... решай сам... Герцог, нам нужно посмотреть северную часть лагеря.

Я похлопал смущенного Зигфрида по плечу и вышел из шатра, чувствуя, как со спины старательно прикрывает Сулливан.

Когда мы отошли от шатра, он спросил приглушенным ревом:

– И что теперь?

– А ничего, – ответил я негромко. – Происхождение Зигфрида, как я вижу по вашему лицу человека чести, вас не тревожит, а это главное. Как бы он ни решил, мы уважаем его выбор.

Он подумал, покрутил головой.

– Обалдеть. Нет, надо выпить еще. Ваше высочество...

– Герцог, – ответил я.

Он ушел, а я обошел лагерь, воины отдыхают у костров, расположенных настолько ровными рядами, словно в самом деле раскладывали их, ориентируясь по туго натянутой веревке. На кострах жарится мясо, подогревается сыр и хлеб.

Завидев меня, пришел уже вернувшийся от Беверейджа Альбрехт, молча пристроился рядом, пытливо поглядывая на мое одухотворенное лицо.

– Ваше высочество?

– Граф, – буркнул я.

– Говорят, – сказал он, – лучше всего думается на марше. Там это идет в такт шагам.

– На что намекаете, граф? – спросил я с подозрением. – Думается везде хреново, это занятие человеку несвойственно. Но если в самом деле вдруг взять и подумать...

– Ну-ну?

– Война войной, – сказал я, – рушатся королевства, создаются империи, а у людей свои маленькие проблемы... хотя, если честно, то именно эти войны между королевствами – мельчайшие проблемы и вообще хрень несусветная. Это же, можно сказать, гражданские войны. Ну как можно бросать в ожесточенные битвы целые армии только из-за того, кому сидеть на троне? Честолюбие, мать его бери!

– А из-за чего же? – спросил Альбрехт с интересом.

– Ну, – сказал я, – причины все же есть и поблагороднее. К примеру, вот та, которую ведем с Мунтвигом, а он... ха-ха!.. с нами. Он же начал великий поход за Честь, за Доблесть, за Веру, за Добро. Только за это и стоит воевать, хотя, если честно, то и за это воевать не стоит... мечами. Есть же диспуты, словесные баталии, сражения, битвы, даже войны!.. Победа – это когда заставил противника признать, что он был не прав, а что за победа, когда всего лишь убил?

Он хмыкнул, покрутил головой.

– Ваше высочество, боюсь... вы не встретите понимания. Народ прост, он предпочитает убивать.

Я ответил тяжело:

– Что ж, глас народа – глас Божий. Будем убивать, торжество гуманизма требует, чтобы текли реки крови и громоздились монбланы трупов. И... бодро понесем знамя либеральных ценностей на север...

– А что с теми, – поинтересовался он, – кто встанет на вашем пути?

– Думаю, вы знаете ответ, любезный мой граф.

Я обошел весь лагерь, больше стараясь задерживаться в расположении союзных войск: вендоверцев, шателленцев, отрядов баронов Бриттии, всем нужно выказать уважение и наговорить хороших слов и отметить их выдающуюся роль в борьбе с врагом.

Норберт выбрал прекрасное место, ровная долина, однако с двух сторон ее защищает река с обрывистым берегом с нашей стороны, а с другой – каменистая дорога ведет к замку лорда Джордана, так что лагерь даже не приходится как-то обустраивать для защиты.

Уже к вечеру я вернулся к своему шатру, двое стражей у входа отступили в стороны, по их виду я понял, что Зигфрид, их старший, внутри.

Я откинул полог, его родители сидят рядышком, лица спокойные, либо еще не приспособились выражать эмоции, а Зигфрид вскочил мне навстречу, развел руками.

Широкий в плечах, широкомордый и широкоскулый, brutальный с виду и не только с виду, сейчас он весь в непривычных для себя мерехлюндиях, даже ростом стал помельче и как-то неприлично скукожился.

Я посмотрел с сочувствием, выглядит не весьма, в то время как его родители цветут широкими и абсолютно одинаковыми улыбками.

– И что ты решил? – спросил я.

Он промолчал, а его отец сказал с уверенностью:

– Он вернется и возродит племя!.. Он молод, силен, сумел ужиться среди людей и даже близок к вам, ваше высочество, что говорит о его высокой выживаемости в любых условиях.

Сейчас от него зависит судьба всего нашего племени. Еще никогда оно не оказывалось так близко к гибели! Сейчас все в его руках.

– Что ж, – сказал я, – желаю вам... ну, процветания. Зигфрид, ты не торопись, попрощайся со всеми, друзей у тебя много. Не обижай вот так... вдруг и пропал, не сказавши до свиданья.

Он ответил блеклым голосом:

– Да, сэр Ричард. Я счастлив, что повстречал вас однажды... и что теперь вижу ваш орлиный взлет к вершинам.

Я снова хлопнул его по плечу, улыбнулся и вышел из шатра. Альбрехт уже ждет, но не успел открыть рот, как полог отлетел в сторону, вышел решительными шагами Зигфрид, лицо искажено страданием.

– Ваше высочество!

– Что-то не так? – спросил я.

Он коротко взглянул на Альбрехта, но тот уходить не собирается, да и доверенное мое лицо, Зигфрид произнес с мукой:

– А почему вы ничего не хотите подсказать?

Я в полной беспомощности развел руками.

– Сложный вопрос... Поверь, я с ним уже сталкивался.

Он спросил в диком изумлении:

– Вы?

– Не лично, – поспешно сказал я, – но видел многих, даже пару близких друзей. Им приходилось делать такой же культурологический выбор... Понимаешь, глобализация при всей своей нужности, полезности и даже правильности... несет с собой и болезненную ломку. Ради прогресса в будущем приходится отказываться от такого приятного прошлого и стыдненького ощущения, что мы в своем болотце чем-то лучше, исключительнее.

– Ваше высочество? – спросил он ошарашенно.

– Это я подхожу издали, – объяснил я неуклюже, – потому что вопрос очень непрост. Малые нации особенно цепляются за свой язык, свою культуру, обычаи, танцы, наряды... Если их послушать, они – самый древний народ, который правил миром, когда остальные еще на деревьях сидели! Однако, если им вливаться в огромный народ, то придется оставить это дутое величие в прошлом и забыть о своих корнях... С другой стороны, а надо ли знать об этих корнях? Думаю, надо знать о будущем, а не прошлом. В прошлом мы все дикие, злые и волосатые.

Он слушал с напряженным вниманием, брови сдвинулись так, что столкнулись над переносицей.

– Значит, – спросил он хриплым от страдания голосом, – советуете не держаться за племя?

– Упаси, Господи, – сказал я испуганно, – я ничего не советую! Господь дал человеку право выбора. Ты сам должен выбрать. Только сам. И потом, если выбор окажется ошибочным, будешь стучать по башке себе, а не мне.

– Ваше высочество!

– Вернись в шатер, – посоветовал я. – Поговори с ними еще.

– А вы?

Я отмахнулся.

– Мне все равно ночевать в замке лорда Джордана. Оттуда такой вид, такой вид!.. И ты знаешь, что там все безопасно, сам проверял. Иди-иди!

Я повернул его к себе спиной и, подталкивая, заставил войти в шатер.

Альбрехт сказал со вздохом:

– Наверное, вот так терять друзей тяжелее, чем в бою?

Я покачал головой.

– Вообще-то предпочитаю друзей находить. И даже выращивать... ну, из противников. Правда-правда, пару раз получилось. Понравилось!

Зайчик пошел мне навстречу, нижняя челюсть ходит справа налево с таким жутким хрустом, перемалывая нечто в пасти, будто ему кто-то засыпал туда горсть алмазов.

– В замок? – спросил Альбрехт. – Но там в самом деле у лорда нет дочери! Разве что жена...

– Сплюньте, – сказал я сердито. – Учитесь получать высшую радость от реализации великих идей!.. И когда научитесь, мне расскажете.

Зайчик повернулся боком, я неспешно вставил носок сапога в стремя и с достойной лорда солидностью поднялся в седло.

– Утром увидимся, граф.

– Утром через неделю?

– Я вам покажу неделю! – сказал я.

Зайчик тряхнул гривой и пошел красивой рысью, а впереди помчался Бобик.

Извилистая дорога к замку идет между таких высоких и острых скал, похожих на зубы акулы, что даже на арбогастре лучше вот так по ней, чем пытаться напрямик, и мы неспешно петляем, Бобик мчится впереди, но вдруг он там замер и остановился.

Шерсть на нем поднялась дыбом, что бывает очень редко, я услышал хриплое гарчание.

– Вперед, – сказал я тревожно.

Арбогастр сделал три больших скачка, двигаясь, как большая пантера, впереди на дороге, шагах в пяти перед Бобиком, медленно поднимается нечто огромное, красное, будто выкупалось в крови, а на земле потрескивает, остывая, раскаленное пятно. Там пляшут искры и вздымаются огоньки горелой земли.

Он разогнулся, все еще распространяя дым, что валит прямо из тела, оказался гигантом выше меня на полкорпуса даже на арбогастре, в ширину просто чудовище, а по весу тоже раза в три больше, чем мы с Зайчиком.

Дым истончился, я наконец рассмотрел его лицо, наполовину жабье, наполовину крокодилье, даже под челюстью пульсирует желтый кожаный мешок, все тело все еще красное, но быстро становится багровым.

Он уставился в меня узкими щелями глаз, в горле прохрипело, я услышал едва разборчивое:

– Гр-р-рх... Я... сумел?... Я сумел...

– Смотря что, – ответил я настороженно. – Бобик, сидеть!.. Кто ты? И что хочешь?... Могу зачислить тебя в ударный отряд. Жалованье положу вдвое, кормежка бесплатная, интимных услуг не требуется...

Он вскинул голову и шумно втянул в себя воздух широкими ноздрями, они трепетали, как щупальца актиний, потом схлопнулись и плотно закупорили отверстия, чтоб ничто не мешало анализу.

– Я... точно, – прорычал он уже отчетливее. – Он здесь... Он близко...

– Поздравляю, – сказал я. – А кто?..

Глава 6

Он посмотрел на меня красными глазами, пасть приоткрылась, показывая массу белых острых зубов.

– Мне нужен, – проревел он гулко, – тот, кто принял... личину Зигфрида...

– Ух ты, – сказал я. – Теперь еще и ты... Старший братец, что ли? Дядя по матери?

Он рыкнул:

– Молчи, червяк...

– Так зачем он нужен? – спросил я с достоинством великого и суверенного лорда. – Как его непосредственный командир, я просто обязан знать! И перлюстрировать.

– Умолкни, человек, – рыкнул он. – За ним долг... он должен умереть...

Я изумился:

– С какой стати? Он давно уже просто человек, с вашим миром не связан. У него здесь свои долги.

Он прорычал люто:

– Я знаю!.. Нашли... твари его племени!.. Его назад!.. Нет, я не!.. Он даст новое племя?.. Нет, не даст!..

– Ты против? – спросил я. – Или ты не совсем против, а как бы альтернативно?

Он раскрыл пасть шире, глаза загорелись красным так, что оттуда пошел недобрый свет, как от костра.

– Его нашли, – проревел он, – чтобы он!.. Я не позволю!.. Я убью и съем его мозг...

Арбогастр подо мной беспокоится все сильнее, глаза тоже горят красным, роет землю копытом и готов броситься на чудовище. Бобик то и дело оглядывается на меня, хотя словно словами я его сдерживаю, а знаками могу послать в атаку.

Я крикнул, стараясь, чтобы голос звучал как можно убедительнее:

– Он отказался возвращаться! Так что нового племени, что угрожало бы твоим законным и, без всякого сомнения, суверенным интересам, не будет! Будет твое моноплемя без всяких конфессий и всяких мультикультурностей...

Монстр проревел таким низким голосом, что начала вздрагивать земля:

– Он... не... мог...

– Что?

– Не мог... отказаться...

– Отказался, – заверил я. – Он с рождения терся среди людей, потому не знает и не хочет вашей, без всякого сомнения, замечательной жизни. Он тебе не соперник!

Он остановился и всматривался в меня щелями глаз, я уже решил, что убедил, но он тряхнул башкой и прорычал люто:

– Нет... надежнее... съесть. А то вдруг... вернется?

– Да с чего вдруг?

Он рыкнул:

– Может передумать...

Вдали простучали копыта, я узнал коня Зигфрида, у него такой частый и нервный перестук, каким отличаются очень быстрые и пугливые лошади.

– Он не передумает! – закричал я погромче, чтобы он не услышал приближения Зигфрида.

Монстр рыкнул гроыхающе:

– Твои хитрости, существо... ничтожны... Он приближается... и смерть его будет быстрой...

Я сказал громко и убедительно:

– И все себе испортишь? Так издалека добирался... и вот так сразу? Если так уж надо убить – убей, но сперва переговори с ним, хорошо?

Он рыкнул:

– Зачем?

– Тебе же самому, – закричал я, – будет приятно! Посмотреть в глаза врагу, насладиться его страхом перед тобой, таким огромным и всесильным, попугать, а потом не сразу сожрать, а по кусочку, чтобы тот визжал и вырывался...

Он подумал и прорычал:

– Растянуть удовольствие... да, это хорошо...

Он обернулся в сторону приближающегося Зигфрида. Чудовищные мышцы спины напрялись, пошли в стороны, окаменели, а затем из этих плит начали медленно выдвигаться костяные шипы, усеявшие всю спину и перебравшиеся на плечи и руки.

Я еще во время разговора, который намеренно затягивал, пытался призвать из своего арсенала Комья Мрака или Костяную Решетку, но впустую, затем попробовал мысленно взять в руку Небесную Иглу. Вроде бы нечто смутное ощутил, видимо, потому, что недавно пользовался, и ладони запомнили это ощущение, но все равно это оставалось там. Однако когда монстр раскорячился в боевой стойке, ожидая Зигфрида, я ощутил, что ладони начинают разогреваться, словно держу их над жарко полыхающим костром.

В черепе застучали молотки, раскаленное шило вонзилось в затылок с такой силой, что я тихонько взвыл от жалости к себе, стиснул челюсти, но что-то потерялось, ладони остыли.

Боль из черепа начала выветриваться, однако и присутствие Небесной Иглы в пальцах ослабело и почти исчезло.

– Нет, – прорычал я, – нет, не отпущу... ты уже в руках... Ты здесь... я держу, чувствую...

Снова стегнула боль, череп раскалился. Я захрипел, как пес, которому ошейник давит горло, но не давал волнам раскаленного тумана смахнуть картинку, как в ладонях появляется тяжелый корпус Небесной Иглы.

Зигфрид закричал яростно, выхватил меч и послал коня прямо на чудовище. Я перехватил его взгляд, брошенный на меня, и понял, что Зигфрид, верный клятве вассала, ринулся спасать меня, прекрасно понимая, что этот монстр намного сильнее и наверняка убьет его...

Они с конем налетели на зверя, как на каменную скалу. Меч Зигфрида высек сноп искр и тут же вылетел из его ослабевшей руки, когда чудовищный демон со сладострастным ревом выдернул его из седла, поднял над головой и тряс, как куклу из мешковины, наслаждаясь беспомощностью своего давнего соперника.

– Тебе конец, – проревел он, – а я всегда буду вспоминать, как съел тебя и взял земли... твоего племени...

– Хвалились гайдаками, – прошипел я, – на Умань идучи...

Мои пальцы стиснули холодный металлический стержень. Тот моментально разогрелся, пальцы обожгло.

Вспышка ослепила на миг, тяжесть из моих рук исчезла. Пальцы сжали пустоту, а в ней за яростной вспышкой огня сухо щелкнуло, следом раздался резкий треск электрического разряда.

Вспыхнул короткий страшный огонь. Что-то тяжело ударилось в землю с такой силой, что та подпрыгнула, и пламя моментально исчезло.

Я протер слезящиеся глаза, Зигфрид лежит навзничь, раскинув руки, потом начал пытаться выбраться из-под тяжелой лапы гиганта. Все вокруг забрызгано кровью, а куски окровавленного мяса разбросаны не только по дорожке, но и сползают по скалам с обеих сторон тропы.

Мир шатнулся, я услышал встревоженный гавк. Как сквозь стену из ваты донесся испуганный голос Зигфрида:

– Ваше высочество!..

На какое-то время я то ли сомлел, то ли отрубился, а то и вовсе потерял сознание, но когда пришел в себя, все еще в седле, Зигфрид придерживает за бедро, не давая свалиться с коня, сам весь залит зеленой кровью и облеплен стекающими по его доспехам лохмотьями не то кишок, не то внутренностей.

– Все... в порядке?

– Ага, – прохрипел я.

Он охнул, взглянув мне в лицо.

– Ваше высочество!.. У вас в глазах все полопалось!.. Что вы сделали?..

– Теперь это неважно, – ответил я хрипло и ухватился за него, чтобы не упасть. – Тужился... давай без улыбочек!.. Он точно околел?

Зигфрид оглянулся.

– Еще бы!.. Проще свинью восстановить из свиной отбивной. Чем это вы его?

– Сам не знаю, – ответил я. – Наверное, моим монаршим гневом.

– Вы уж полегче, – попросил он, – глаза полопались – еще ничего, у меня тоже иной раз наливаются кровью, но если сердце лопнет... Хотя влупили его вы со всей...

– Дури, – досказал я. – Хотя дурака бьют и в церкви, лося только осенью, а хищного зверя везде. И неважно, в лоб или в спину. Ты как?

Он сказал хриплым голосом:

– Да вроде бы цел... Хотя панцирь эта сволочь мне помяла. Сперва тот гад ногу, спасибо, что подлечили, но теперь снова к оружейнику... Разорят, гады.

– К вечеру поправят, – утешил я – Все, поедем. Я вообще-то в замок. А ты куда?

– За вами, – сообщил он. – Я телохранитель или уж нет?

– Зигфрид, – сказал я тепло. – Ты мой друг, а эту роль ты сам себе выбрал. Конечно, я тебе доверяю больше всех на свете. Но что скажут твои родители?

Его лицо помрачнело.

– Когда вы ушли, я поговорил с ними. Мой народ – люди. Я с пеленок помню только Терьяра Кунинга, своего отца, и любящую меня мать, леди Азеллу, а также шестерых братьев... Я жил в любви, детство у меня было беззаботное и счастливое... Я человек, сэр Ричард! Я человек. А леди Азелла – моя мать, в чьей любви я купался, как рыбка в озере...

Некоторое время мы ехали молча, он часто вздыхал, я сказал с сочувствием:

– Всем нам время от времени приходится делать выбор. Это тяжело, но человек научился пользоваться им правильно. А почему тот демон примчался сюда, когда проще бы дожидаться тебя там на месте...

Зигфрид покачал головой.

– Он мог меня только здесь.

– Когда, – спросил я осторожно, – ты в людской личине?

– Да, – ответил он, – а еще здесь я один, а там наши из племени... Их хоть и мало и все старые, но все же...

Я остановил коня.

– Езжай в замок, если так уж хочешь убедиться, что там нет и не появилось за это время ничего опасного.

– Ваше высочество?

– Поторопись, – велел я строго. – Ты забыл, что мы сюда не на поселение прибыли?

Он ослабил конский повод, толкнул каблуками, и конь понесся стремительным галопом в сторону замка. Я проводил его долгим взглядом, неспешно повернул коня к лагерю. Там моя жизнь, а в замке только развлечения, но их можно позволить себе только после победы.

Арбогастр только-только перешел с шага на рысь, как мы увидели со спины идущую впереди женщину в длинном плаще, что касается земли.

Капюшон закрывает голову, можно бы принять и за подростка, но что-то в движениях выдает женщину, я бы даже добавил, молодую и сильную.

Я намеревался догнать, однако она обернулась и приподняла обеими руками капюшон. На меня взглянуло очень серьезное и даже строгое лицо той, что сидела в пентаграмме, пытаясь спастись от зверя, убитого потом Зигфридом.

Я не успел слова сказать, она церемонно присела, растопырив плащ в стороны, голову опустила, выказывая полное смирение.

– Леди? – произнес я.

– Ваше высочество, – прошелестела она, не поднимая головы.

– Встаньте, – потребовал я, – и ответствуйте, кто вы и почему вас несет в мой лагерь.

– Меня зовут Скарлетт Николсон, – ответила она низким приятным голосом. – Иду я не в лагерь, а хотела встретить вас...

– Тогда вы рассчитали точно, – ответил я настороженно. – Что весьма настораживает, а я этого не люблю. Поднимитесь и выкладывайте.

Она выпрямилась, чуть задрала голову, чтобы видеть мое лицо. У нее странные глаза, вернее, не глаза, а верхние ресницы: всего по семь штук, отстоящие одна от другой на заметное расстояние, зато толстые и длинные, будто остальные не то отдали свою силу и рост, не то их срезали и приклеили на оставшиеся.

Я невольно устался на это чудо, а она красиво взмахнула этими удивительными ресницами, что упираются в брови, глаза подчеркнута удивленные, неужели и сам принц Ричард, о котором столько слухов, тоже вроде деревенщины, никогда красивых женщин не видел, что ли...

– Ваше высочество, – проговорила она все тем же голосом, приятным, но строгим, – я нарочито выбрала минутку, когда сэр Зигфрид занят...

– Почему? – спросил я в лоб.

– Он бы меня защищал, – объяснила она.

Я поинтересовался:

– А ты, выходит, не желаешь, чтобы тебя защищали?

– Хочу, – проговорила она тихо, – чтобы вы решили мою судьбу сами и чтоб слова сэра Зигфрида не падали на чашу весов моей жизни.

Арбогастр медленно шел к лагерю, она идет рядом, изредка поглядывая на Бобика, но тот ведет себя чинно, то есть не подбирает бревна и не сует ей в руки.

– Хорошее решение, – сказал я, – нет, не слишком для тебя хорошее, зато правильное. Кто ты и что ты?.. Я не нахожу тебя красавицей, но это потому, что ты не в моем вкусе. А так вообще отыщутся некоторые, что назовут тебя совершенством. Люди ж всякие бывают, а мир велик и как бы необъятен, если не присматриваться.

Она передохнула, вскинула голову и посмотрела мне в глаза, а я неотрывно смотрел в ее бледное лицо, стараясь не концентрировать внимание на странных верхних веках с семеркой толстых, как бревна, и таких же длинных ресниц.

– Ваше высочество, – проговорила она тихо, – вы правы, мне лучше было погибнуть... от того зверя, что я так неосторожно вызвала из ада. И сейчас прошу вас либо как-то приказать вашему другу меня оставить, либо убить меня... чего мне, конечно, не хотелось бы... но если не будет иного выхода...

Я вскинул руку.

– Погоди-погоди. В чем вообще-то проблема?

Она ответила так же тихо и не глядя мне в лицо:

– Мной очень заинтересовался один из могущественных магов, Генс Эджекомб. Он потребовал меня у моих родителей, хотя мог просто похитить, и те... отдали.

– Гм, – сказал я.

– Через полгода, – проговорила она тем же голосом, – я сумела узнать одно из заклятий перемещения. Еще полгода я копила силу, а потом сбежала.

– Просто сбежала? – уточнил я.

Она покачала головой.

– С помощью заклятия. Меня перенесло сюда, в королевство, как я узнала, Бриттия. Здесь постоянно пряталась под заклятием Покрова, чтобы маг меня не отыскал.

– А он ищет?

Она прямо взглянула мне в глаза.

– Боюсь, ваше высочество, все еще не прекратил поиски.

– Настолько упорен? – спросил я. – Задето самолюбие?

Она чуть отвела взгляд в сторону, а щеки окрасились нежным румянцем.

– Все это, возможно, вместе... Но, ваше высочество, вы не ошибетесь, если рискнете предположить и нечто большее...

– Что? – спросил я настороженно. – Что-то еще хуже?

– Да...

– Но что? – спросил я. – Жизненный принцип – добиваться своего? Иначе, мол, раз отступил, будешь отступать и дальше?

– И это тоже, – согласилась она, – но... не все.

– А что же, – сказал я и, запнувшись, посмотрел на нее остро, – хотите сказать, он влюбился в вас?

Она чуть вздернула голову, в голосе прозвучало оскорбленное достоинство:

– Ваше высочество, вам, конечно, трудно представить себе, что в такую уродину можно влюбиться, но мужчины способны и не на такие дикие глупости...

Я ощутил, что теряю меру, процедил сквозь зубы, помня о хорошем воспитании:

– Вы прекрасно знаете, что вы красавица, хоть и не в общепринятом вкусе, я это вижу и признаю, хоть и без особой охоты. Но маги, как и священники, только тогда достигают высоких целей, когда на женщин обращают поменьше внимания.

– Это не только маги, – возразила она деликатно, – все мужчины, что хотят побед, должны поменьше тратить времени на женщин.

– Золотые слова, – похвалил я.

Она прямо посмотрела мне в глаза.

– Уверена, у вас тоже нет сотни любовниц, хотя вы могли бы содержать и тысячу.

– Гм, – сказал я, – приятно общаться с красивой и умной, это вообще уродство какое-то, вывих природы. Из-за вас с полсотни женщин ходят уродливыми и дуры дурами... но я заинтересовался этим странным магом, что может достичь вершин, но в то же время вот так все бросить к женским ногам.

– Вы не бросите, – заверила она.

– Почему?

– Вы моложе, – определила она. – И всегда таким будете, в любом возрасте продолжите карабкаться на гору к своим непонятным нам победам. Но не все же такие!

– Слава богу, – сказал я. – У меня больше шансов их догнать и обойти. Обойти в смысле обогнать, а не в смысле... общепринятом смысле, все мы люди.

Она взглянула на меня исподлобья.

– Почему-то мне кажется, вы в самом деле... обойдете. В обоих смыслах. И даже в третьем, если он есть, а у вас он наверняка есть.

Я остановил коня.

– Хорошо, я подумаю, чем помочь. Зигфриду, разумеется, твои проблемы нас не касаются. По крайней мере, меня. А сейчас возвращайся в город. Зигфрид скоро вернется из замка, поедет по этой дороге.

Глава 7

Зигфрид вернулся через полчаса, даже и не знаю, что его так тревожит в замке, и тут же засобиравшись в город, вид настолько виноватый, что я сказал с досадой:

– Знаешь, ты спокойно можешь переночевать там. Не гоняй бедного коня зря туда-сюда.

– Ваше высочество!

– Твой сюзерен, – напомнил я уже с раздражением, – в центре лагеря! Священники и алхимики любую заразу заметят. Побудь со своей, пока армия отдыхает.

Он помялся, посмотрел на меня искоса.

– Вообще-то, ваше высочество, я хотел бы взять ее с собой.

– Что? – изумился я. – Каким образом?

Он сказал с неловкостью:

– У сэра Клемента же есть... эта, как ее... советница?

– Эльфийка? – переспросил я. – Ну да, у него эльфийка, у тебя будет ведьма... Во что превратится армия? Да и как ты ее собираешься возить? И где держать? У Клемента хоть шатер есть!

– Она хорошо управляется с конем, – ответил он, – я уже проверил. Она может надеть мужскую одежду.

– А что церковь скажет? – перебил я. – Именно за это Жанну д'Арк сожгли... или сожгут, неважно. Женщина в мужской одежде – это происки дьявола!

Он помрачнел, потемнел, из груди вырвался тяжелейший вздох.

– Неужели ничего нельзя сделать?... Ваше высочество, у вас всегда все получалось!

Я огрызнулся:

– Но не против же церкви! Я с нею всегда ладил. Даже частенько забегал вперед... хотя и не совсем туда, куда она двигается.

– Ваше высочество?

Я задумался, в голове шуршит и шебуршится, я с силой потер лоб, потряс головой.

– Не знаю... Разве что временно отменить некоторые конституционные нормы в связи с военным положением?..

Он замер, глаза загорелись бешеной надеждой.

– Ваше высочество?

– Не мешай, – сказал я отстраненно, – твой лорд мыслит. Церковь тоже отменяла даже самые строжайшие свои доктрины... Например, когда чума выкосила почти всю Европу, церковь приняла закон, на десять лет разрешающий многоженство, а потом действие этого закона продлила... Потому, ссылаясь на более масштабные прецеденты, я могу разрешить твоей женщине ездить в мужском костюме и на коне по-мужски... на время военных действий. В остальное время она обязана быть в платье, а подол должен сгребать весь мусор с пола, как и принято.

Он вскочил, воспламененный, бросился целовать мне руки, но я отстранил одной рукой, а другой показал фигу.

– Не благодари, еще не знаешь, во что вляпываешься.

– Ваше высочество!

– Я не знаю, – продолжал я, – кто она, но спинным мозгом чувствую, у тебя еще будут из-за нее неприятности.

– Лишь бы не у вас, – произнес он чистосердечно. – Я ладно, сам виноват, лишь бы вас ничем не задело.

Город невелик, стена вокруг хоть и каменная, однако ее с разгону и коза перепрыгнет, что и понятно, такие не строятся за один день. Когда поднакопит городская казна денег, поднимут еще на два-три каменных блока.

В городе оживление, народу прибавилось, это наши тут постоянно толкуются, продают или выменивают боевые трофеи, покупают всякую ерунду. Чувствую, десять дней отдыха – многовато, можно сократить до недели, а то и пятидневки.

Зигфрид бдит, готовый защитить меня хоть от брошенного ножа, хоть от стрелы, но успел указать дом, где он разместил свою спасенную ведьму, хотя она вроде бы не ведьма, как сказала мне, но для Зигфрида я по-прежнему именую ее ведьмой и напоминаю, что крестоносцы должны быть непримиримы.

– И что она там делает?

– Пока присматривается, – объяснил он виновато. – Но уже сказала, что может работать лекарем. Она умеет затягивать раны, сам видел.

– Здорово, – одобрил я, – но, знаешь ли, еще раз подумай насчет того, чтобы ее брать с собой.

– Что может случиться?

Я пожал плечами.

– Армия – тот же корабль, а туда женщин вообще не допускали.

– Она не будет женщиной, – пообещал он.

– Как это?

– Если никто не будет знать, – пояснил он.

Под нами проплыла арка городских ворот, одна дорога ведет к лагерю, другая поворачивает на восток, Зигфрид все продолжал идти рядом и рассказывал, что здесь для леди Скарлетт ну совсем все чужие, ей придется уживаться еще хуже, чем в армии, где есть хоть один человек, ей близкий, да и о вас, выше высочество, отзывалась с огромным уважением...

Я поморщился.

– Ну спасибо...

Он сказал встревоженно:

– Ваше высочество, она совершенно искренне!

– Еще бы.

– Нет-нет, – сказал он быстро, – она сразу сказала, что вы железный человек, вас ничто не собьет с пути, а женщины это чувствуют лучше всех...

– Знаешь ли, – сказал я с досадой, – возвращайся к ней, не теряй времени. Мы тут не пробудем долго, а за это время, возможно, успеешь передумать.

– Ваше высочество!

– Так бывает...

Впереди в сторонке от дороги земля пошла горбом, словно исполинский крот делает ход слишком близко к земле, вспучивая целый пласт, затем этот крот остановился и начал выталкивать почву на поверхность.

Мы оба замерли, Зигфрид сказал хрипло:

– Ваше высочество... уходите!

– Мы не знаем, – возразил я, – что это.

– А вы не чувствуете?

Холод уже поднялся из моих внутренностей до грудной клетки и стиснул в ледяной лапе сердце. Я сцепил зубы, не давая им стучать, а там уже целый холм, все еще вспучивается, вершина рассыпалась, по склону покатались частые комья земли.

Сильно пахло горелым, к нам докатилась волна подземного жара. Зигфрид охнул, на вершине холма появились, развалив его и превращая в кратер с высоким валом, красные

факелы, такими показались эти медленно поднимающиеся люди в металлических доспехах: раскаленные, с полыхающими головами, руками, телом...

– Кони! – крикнул Зигфрид.

Воины продолжали подниматься, и стало видно, все сидят на таких же пылающих, словно составленных из горящих углей, конях, и все держатся так плотно, что кони сливаются в единую массу, словно из земли прет раскаленная докрасна глыба железа.

Зигфрид обнажил меч и отважно загородил нас с Зайчиком.

– Не дури, – сказал я, – может, просто заблудились. Дорогу вылезли спросить.

– Дорогу в ад? – прошипел он. – Они только что оттуда!

– Ну или просто поговорить...

Холм рассыпался, а кони начали перебираться через могучий вал, сперва медленные, словно пробыли слишком долго, сжатые земными пластами, я все старался рассмотреть лица всадников, но удавалось увидеть только оранжевые пятна на месте глазных впадин, а еще такие же пятна, только пошире, на месте ртов.

Они начали двигаться быстрее, а из кратера на месте холма выплескиваются все новые пламенные волны. Я насчитал больше десятка всадников, хотя точно не сказать, иногда буквально сливаются друг с другом, и в то же время сохраняют свою структуру, как крупные пурпурные угли в костре, что уже давно не поленья, но все равно каждый сам по себе.

Зигфрид вскрикнул отчаянно:

– Уходите! Я их задержу...

– Не дури, – сказал я строго, – и не смей драться. Может быть, они из неволи бегут! Нехорошо в каждом видеть врага.

Зайчик под моей рукой попятился, затем я отодвинулся в сторону, и когда пылающие всадники послали коней в галоп, нацелившись на меня, я уже видел, что проскачат мимо Зигфрида.

– Да уходите же! – крикнул он.

– А вдруг эти люди хотят просто...

– Это не люди! – заорал он взбешенно.

– А-а-а, – протянул я, – тогда ладно.

Они уже набрали скорость, я тронул каблуками бока арбогастра, он с готовностью пошел крупными скачками. Когда я оглянулся еще раз, за мной уже мчится отряд в пару десятков голов, если не больше, а вдаль быстро уменьшается фигурка растерянного и оскорбленного таким невниманием Зигфрида со вскинутым для схватки мечом.

Багровые всадники несутся за мной с тяжелым грохотом, земля вздрагивает, за каждым целый рой искр, что превращается в огненный шлейф, и кажется, что их там целые сотни.

Арбогастр время от времени оглядывается на меня и недовольно фыркает, дескать, можем оторваться от погони с легкостью, так почему не? Я сжимался в ком, мне и самому, конечно же, хочется того же до жути, однако неизвестно, что натворят эти огненные демоны, если это демоны...

Да и в птеродактиля могу превратиться, успею, но это всего лишь уйти от непонятной погони сейчас, а в следующий раз могут нагрянуть так, что и хрюкнуть не успею...

Я сделал пару резких поворотов, погоня тут же поворачивает следом, оставляя на земле выжженный след и глубокие отпечатки копыт. Я трижды подпускал их ближе, обнаглев, старался рассмотреть, но понял только, что все крупнее меня, вроде бы в железных доспехах, но тоже раскаленных докрасна так, что капли металла срываются и падают на землю быстро темнеющими комочками.

Впереди показалась деревушка, я поспешно свернул, чтобы не промчатся с этими чудовищами прямо по главной улице, и потом долго неслись по каменистому кособокому, пока впереди не распахнулась равнина.

Там по самому краю бодрой рысью несется всадник на рыжем тонконогом коне, плащ живописно развевается за его спиной, как будто просится на взлет.

Я не сразу узнал Хреймдара, явно выехал на поиски раритетов, а Зайчик скорректировал бег, и через несколько минут мы уже неслись с ним рядом.

Он оглянулся в изумлении.

– Ваше высочество?

– А ну покажи, – сказал я с задором, – что умеет твой новый конь!

Он молча пригнулся и пришпорил своего рыжего. Некоторое время мы мчались сквозь ветер, я нарочито придерживал арбогастра, чтобы не ушел слишком резко вперед, затем Хреймдар начал оглядываться через плечо.

– Ваше высочество!

– Да?

– За вами погоня?

Я отмахнулся.

– Да пустяки, не обращай внимания. Правители свыкаются с мыслью, что их хотят убить.

Он вскрикнул испуганно:

– Убить?

– Что, – изумился я, – для тебя это новость? Профессиональный риск! Вообще-то окушается.

Он нервно оглянулся, невольно припал к конской гриве, его конек в самом деле пошел чуточку быстрее, но Хреймдар то и дело оглядывался в испуге интеллигента, попавшего в уличную драку.

– Это багровое зарево, – крикнул он, – что настигает нас... это что?

– Да что-то такое, – сообщил я, – как ты и сказал, багровое. С оттенком пурпурного, но больше внутри, а по краям, все верно, багровое с переходом в малиновость, но это не цвет, вообще-то такого цвета нет, разве что у дур-женщин, а так это фиолетовый.

Он вскрикнул жалобно:

– Ваше высочество!

Я сказал легко:

– Там внутри этого зарева еще и люди, представляешь? Ну не совсем люди, как, думаю... И не совсем кони под ними... Зачем-то раскаленное докрасна, будто им тут холодно. И кони, наверное, из другой климатической зоны. Возможно, прямо из ада, как думаешь? Да ладно, не бери в голову. Мы же мужчины! Что за жизнь, если каждый день тебя не пытаются убить?

Он сказал нервно:

– Да вот как-то перебиваюсь...

– Как? – изумился я.

– Живу! – крикнул он сердито.

– Существоешь, – уточнил я гордо, – а жить – это постоянно получать удары судьбы и бить в ответ! А что, эти вот, что гонятся, тебе не нравятся?

Он вскрикнул:

– Нет!!!

– А как насчет приключений? – осведомился я. – Насчет упоения в бою и бездны мрачной на краю?

– Нет, – ответил он отчаянно. – Это грубо, я предпочитаю приключения духа, мысли!

Я посоветовал благодушно:

– Тогда брось в них каким-нибудь заклятием. Или предметом потяжелее...

– Предметом?

– Ну да, – подтвердил я, – я слышал, что если расческу бросить – лес вырастет... Увы, думаю, не сразу, а так это лет через сто... А землю под ними расколоть, чтобы провалились?

Он вскрикнул устрaшенно:

– Ничего этого не могу! Все, теперь нам не уйти!

– А заклятия? – прокричал я.

– Я не могу на ходу, – крикнул он. – Мне нужны ингредиенты или хотя бы компоненты для зелий... И часы неторопливых раздумий!

– Этого нет, – сказал я громко, перекрывая частый стук копыт, – а что можешь вот прямо щас?

Он пригнулся к конской шее и крикнул:

– Почти ничего! Миражи, морганы, иллюзии... да и то на несколько минут...

– А дождь? – сказал я с надеждой. – Сейчас бы хар-р-роший такой ливень нам всем не помешал... Можно с градом, не возражаю.

– Дождь вообще невозможно, – прокричал он. – Это надо быть уж и не знаю кем...

Глава 8

Мы выметнулись на красивейшую обширную равнину, густо заросшую красными маками, хотя вроде бы уже не сезон, одинокое раскидистое дерево с ярко-красной кроной, тень от нее на землю ложится густая, а еще там у самых корней блеснул небольшой родничок...

– Как красиво, – крикнул я, – райский уголок!

Хреймдар крикнул затравленно:

– Чего?

– Тебе не кажется, – ответил я громко, – что рядом с красотой ум и сердце всегда кажутся бедными родственниками?

Он крикнул обалдело:

– Вы о чем?

– О красоте природы! – ответил я. – Когда еще и полюбоваться, как не сейчас? А то всегда в делах, всегда в делах...

Он крикнул яростно:

– Вы с ума сошли? Какая природа?

– Бесчувственный, – сказал я обвиняюще. – Природой любоваться нужно в любом положении! Или делать вид, что любишься. Только так и можно прослыть культурным человеком, хотя действительно культурному вообще-то насрать на эту природу.

Впереди местность странно понижается с некой диспропорцией, я потрянул головой, что за оптический обман, вдруг понял, впереди просто обрыв, а то, что вижу дальше, это земля намного ниже, намного...

Хреймдар тоже сообразил, начал придерживать коня, но я заорал:

– Нет!.. Давай к самому краю!

– Мы окажемся в ловушке! – крикнул он.

– Сделаешь мираж!

– Что?.. Какой мираж? Зачем мираж?

Мы подскакали к самому обрыву, я глянул в пропасть, голова закружилась от бездны.

– Мираж дороги, – крикнул я, – что за нами! Просто отзеркаль!

Он торопливо поводил руками. Перед самым краем обрыва появилось изображение дороги, уходящей вдаль, а там дальше выступающий рогом лес, точная копия того, что далеко за нами.

Я проехал через это марево, толщиной оно с ладонь, остановил Зайчика на самом краю, соскочил и отвел в сторону. Хреймдар, вздрагивая всем телом, сделал то же самое, но лицо бледное, как отложения мелового периода, хоть трилобитов на нем ищи, руки трясутся, дома бы дал коврик вытряхивать...

С той стороны нарастает грохот копыт, сплоченный отряд пылающих всадников мчится бешеным галопом, издали похожи на огромную раскаленную докрасна скалу из железа.

Хреймдар пробормотал в ужасе:

– Надеюсь, ваш трюк...

– Сейчас увидим, – прошептал я.

С грохотом копыт весь отряд пронесся по дороге и влетел в марево, видя перед собой только уходящую вдаль дорогу. Я видел, как из призрачной стены с этой стороны на бешеной скорости выметываются на храпящих конях эти чудовища и сразу срываются с обрыва в пропасть.

Целая лавина их влетела в марево и по длинной дуге стремительно летела вниз, и только там внизу раздались их крики. Из миража вылетают на огромной скорости все новые и новые,

тут же их кони теряют под копытами опору, и все срываются вниз, а за ними влетают все новые и новые...

Половину пути в падении эти пылающие существа проделывали молча, еще не сообразив, что стряслось, настолько все быстро и неожиданно, а когда начинали в ярости и ужасе орать, то крики быстро обрывались, заканчиваясь смачными шлепками и едва слышным здесь наверху хрустом костей.

Они падают и орут, падают и орут, мы с Хреймдаром застыли в напряженном ожидании, а грохот копыт за спиной все слабее, наконец из марева начали выметываться последние всадники.

И тут оно задрожало и рассеялось в воздухе. Еще трое сорвались с обрыва, хотя и бешено натягивали поводья, но трое успели задержать коней на самом краю бездны. У одного конь встал в ужасе на дыбы, всадник не сумел справиться с ним, и оба рухнули вниз, но двое пылающих удержали дрожащих взмыленных и разбрасывающих красные искры коней.

Я торопливо вспрыгнул в седло. Хреймдар поспешно пятился, делая вид, что он тут мимо шел и вообще просто заблудившаяся мышка, а не герой.

– Предатели! – закричал я пылающим. – С друзьями судьба должна быть общей!

Они разом подняли над головами чудовищного размера старинные топоры. Я послал Зайчика вперед, он ударил коня пылающего всадника грудью, тот отступил, арбогастр завизжал и ударил копытами.

Конь противника попятился, задние копыта соскользнули с обрыва. За спиной прозвучал вопль Хреймдара:

– Слева!

Я уклонился, не глядя, одновременно поводом заставил Зайчика отпрыгнуть. Огромное лезвие топора со свистом прорезало воздух, а я в ответ обрушил лезвие меча на горящую голову.

Взвился сноп багровых искр, словно ударили по бревну, уже превратившемуся в догорающие угли. Руку больно дернуло, будто саданул со всей дури по валуну.

– Дружба обязывает! – крикнул я. – Ты же не оставишь соратников?

Пылающий всадник прохрипел:

– Ты... смертный...

– Ты тоже, – крикнул я. – Друзья твои уже в аду, как тебе не стыдно их бросить? А как же воинская дружба?

Он снова замахнулся, но я попятился, даже не пытаясь подставить щит, слишком уж массивное это чудовище, топор в его лапе таких размеров, что с одного удара прорубит городские ворота.

– Дружба бессмертна, – повторил я с укором, – как тебе не стыдно не пойти за друзьями?

Увернувшись пару раз, я сманеврировал ближе к обрыву, а потом коснулся коленом Зайчика и сказал кровожадно:

– Давай!

Он сделал стремительный прыжок вперед, удар о багрового коня едва не выбросил меня из седла, но того отпихнуло на три-четыре ярда.

Я видел ужас в горящих адским огнем глазах багрового коня, когда задние копыта сорвались с края. Какое-то мгновение пытался уцепиться передними, из копыт даже начали вылезать длинные когти, но тяжелая задница и масса воина в громоздких доспехах потащили в пропасть.

Я победно прокричал:

– Скажи всем там в аду, что скоро приду погонять их и там! Я человек веселый!

Хреймдар подбежал, осторожно наклонился над краем. На лице его, как мне показалось, заиграли отблески далекого зарева.

Я опасливо посмотрел вниз, там далеко у подножия в самом деле целое море пурпурного огня, освещающее обрывистый склон. Раскаленные всадники и кони разбились внизу на крупные и мелкие угли, что образовали целое огненное озеро.

– Красиво? – спросил я. – Эх, Хреймдар! Не спи, замерзнешь.

Он вздрогнул, выходя из ступора.

– К-красиво?

– Ну да, – сказал я, – во всем нужно видеть прекрасное. Мы же эстеты? А это красиво и символично: они жили ярко, горели на работе и сгорели ярко и празднично. Никаких отвратительных трупов, гниющего мяса... а вот так! Уверен, ты бы тоже хотел вот так красиво!

Он содрогнулся всем телом.

– Н-нет!.. Ничуть!

Я изумился:

– Не находишь это волнительным? Ты что, ни разу не эстет?

Он попятился от края.

– Ваша светлость... ну какой эстет из ученого? Да и вообще, эстетов не бывает!

Я широко раскрыл глаза.

– Как это? Я со всех сторон слышу...

– Врут, – сказал он сердито. – Мелкие людишки придумывают себе достоинства, чтобы тоже выглядеть как бы людьми. А нам себе придумывать ничего не надо, мы и так чего-то стоим. Особенно, когда вижу, как вы развлекаетесь во время прогулок...

– Да уж, – согласился я, – просто ухахатываюсь. Ты в лагерь?

– Да...

– Поедем вместе?

Он вздрогнул всем телом.

– Не-е-ет! Я вернусь в лагерь другой дорогой.

– А-а-а, – сказал я понимающе, – сам желаешь полюбоваться красотами природы, чтоб никто не мешал? Так сказать, насладиться?.. Ладно, мы с Зайчиком, считай, уже на работе.

Арбогастр ринулся вперед с такой скоростью, что я не услышал ответ Хреймдара, как он относится к такой вот интересной работе.

Глава 9

Я все пытался понять, с чего вдруг они вылезли из-под земли и бросились на меня, ничего в голову не лезет путное, потом начала стучать в виски, как голодная птичка в окно, слабая мысль, что это может быть как-то связано с той беглянкой, которую упустил маг.

Возможно, следом и он появится, если я такой умный и все могу рассчитать. Тогда с ним нужно будет поговорить мягко и убедительно. Возможно, у него какая-то временная дурь, у всех нас бывает некоторая потеря ориентиров или ложные цели, а потом, когда приходим в себя, говорим с досадой, как, мол, много сил и времени угрохали на ерунду...

И вообще, чем короче период дури, тем проще вернуться в прежний ритм работы.

Зайчик, чувствуя, как я то и дело вздрагиваю, вспоминая этих красных чудовищ, пошел медленнее, а то скачка всегда будоражит хозяина больше, особенно таких вот одухотворенных по самое не могу и возвышенных натурелей.

Земля под копытами то отзывается сухим стуком, а то и треском раскалываемых камешков, то чавкает, когда идем через вчерашние болотца.

В небе сказочно прекрасные облака, далеко впереди лес, а за ним наш лагерь. Зайчик мчится по солнечному миру, однако впереди на землю пала грозная тень и стремительно пошла в нашу сторону.

Я инстинктивно пригнулся и, перекосившись, быстро посмотрел наверх. В небе появилась темная воронка из потемневших облаков, они пошли по кругу все быстрее, начали втягиваться в дыру, затем оттуда ударила ветвистая молния.

Над головой грянул гром ужасающей силы. Я вздрогнул, с небес коротко и страшно блеснул широкий луч. Через мгновение шагах в пяти впереди появилась фигура человека в темной одежде.

Я напрягся, ощущая смертельную угрозу. Вокруг незнакомца, явно могучего мага, едва заметно поблескивает нечто, словно он находится в чистейшем мыльном пузыре без всяких радужных разводов.

Он проследил за моим устранным взглядом и удовлетворенно улыбнулся.

– Все понял?... Люблю умных людей.

Чуть ниже среднего роста, мелкий в кости, лицо чисто выбрито, высокий лоб, брови сдвинуты и опущены, из-за чего глаза смотрят, как будто вот-вот юркнут обратно в норки. Несмотря на улыбку, в лице что-то очень нехорошее, некая смесь высокомерия, жестокости и порочности.

– Я тоже люблю умных, – ответил я сдержанно. – А еще и вежливых.

Он произнес с холодным пренебрежением:

– Вежливость – удел слабых.

– Разве?

– Быть вежливыми нас вынуждает неуверенность в собственном хамстве, – ответил он со снисходительной улыбкой. – Но если человек в себе уверен...

– Вы настолько уверены? – спросил я.

Его улыбка стала шире.

– Можете попытаться, – предложил он. – Я в магическом коконе, его не пробить никаким заклинанием, никакой магией. Все эти годы я копил магию, теперь она сметет все препятствия, но я найду ее!

– Найду ее, – повторил я. – Неужели речь идет всего лишь о женщине? Ну что это за сила, что швыряет нами, как щепками в штормовом океане? Или я ошибся, вы не о женщине?

Он смотрел на меня неотрывно и произнес с холодной жестокостью в голосе:

– Вы очень быстро догадались. И я понимаю, почему.

Я сказал почти просительно:

– Может быть, стоит быть мужчиной? Ну ушла к другому, так неизвестно, кому повезло!.. Я бы только радовался, а то когда уходишь, всегда свиньей себя чувствуешь, хотя уходить надо...

Он злобно скалил зубы, а я быстро понимал, что все мои конструкции, что я строил по дороге, просто дурацкие. Этого ничем не убедишь и не пробьешь. Есть такие люди, у них на морде написано, что правы только они, а остальные все говно, должны только слушать, а сами рты не раскрывать.

Он сказал злобно:

– Ты примитивное животное и не представляешь глубинной мощи, которой я обладаю!..

– Пока поверю на слово, – ответил я. – С кем имею... неудовольствие? И почему вы здесь?

Он кивнул, но хотя на миг его глаза скрылись под нависшими надбровными дугами, я все равно чувствовал его неподвижный, как у рептилии, взгляд.

– Правильные вопросы... Я – маг Гантагейл. Здесь у вас находится кое-что из того, что принадлежит мне.

– Озвучьте, – сказал я сдержанно, – я много чего насобирал по дороге.

Он пренебрежительно отмахнулся.

– Мелочи меня не интересуют. Я ищу свою женщину, сбежавшую от меня. Она научилась прятаться даже от моей ищущей магии, однако иногда все же раскрывается, хоть и ненадолго.

– И?

– Когда последний раз я уловил сигнал, – произнес он, – я даже не поверил, что она сумеет забраться так далеко. Но вот я здесь! И чувствую ее присутствие.

Я огляделся.

– О ком вы говорите?.. Здесь только мы. А в лагере мои солдаты. Кстати, очень хорошие и преданные.

– Нет, – ответил он уверенно, – я чувствую запах ее кожи. Аромат ее тела, свежесть ее дыхания... Говорите, где вы ее прячете?

Я ответил с достоинством:

– Вы что-то не так понимаете. Я – эрцпринц Ричард Длинные Руки, который ведет армию вооруженных людей на другую такую же армию, и у нас будет кровопролитное сражение без всякой магии и без всяких женщин... Эта битва, которая решит, кому из нас быть, а кому не быть. И вы полагаете, что в этих условиях мне до всего лишь женщин?

Он отрезал сухо:

– Она не всего лишь, а самая-самая... Ладно, я ваши доводы понимаю. Они... разумны. Но человек – не только разум. И я чувствую, эта женщина где-то близко. И вы либо знаете, где она сейчас, либо недавно с нею общались.

– Точно общались? – переспросил я. – Или она только прошла мимо, задев меня краем плаща?

Он на миг задумался, но тут же покачал головой.

– Может быть, все так, но мне кажется, вы знаете, где она. Даже если не занимаетесь ею лично, во что верю. Для вас, людей, воевать – это так важно!

– Ну да, – сказал я, – ну да, а как же, доминирование – все!

– Потому, – продолжил он неумолимо, – я предлагаю вам немедленно выдать ее.

Я посмотрел на него очень внимательно.

– Договаривайте.

Он чуть приподнял одну бровь.

– Что?

– Остальное, – ответил я. – Угрозы. Что если не послушаюсь и посмею упрямыться, то последует страшное и неотвратимое наказание. Вы же это хотели как бы озвучить?

Он произнес холодно:

– Это настолько очевидно, что я не считал нужным произносить это вслух.

– Нужно, – ответил я. – Это нужно.

Он холодно усмехнулся.

– Ах да, вам же нужно оправдание перед самим собой! Что отдали не просто так, а подчиняясь силе. Вы же всегда так говорите: мол, только под угрозой грубой силы... Да, вы ощущаете всю мощь моей грубой силы... очень даже грубой, если заупрямитесь.

Я спросил с интересом:

– И что сделаете? Убьете? Так вы это можете сделать сейчас. Я ведь вас достать в этой скорлупе не могу, верно?

Он кивнул.

– Верно. Но пока что убивать вас нет смысла. Мне нужна беглянка, а не ваша жалкая жизнь. Выдайте ее... и вы уцелеете. Я с каждым мгновением убеждаюсь, что вы ее знаете, общались.

– Жестко, – ответил я. – Увы, выдать не могу. Скажу честно, даже не представляю, где она.

Он сказал с угрозой:

– Боюсь, вам придется поискать.

– Иначе? – спросил я.

Он кивнул с самым зловещим видом, даже подчеркнутым, как показалось, но я понял, он и хотел, чтобы я увидел его именно таким.

– Все верно. Я не могу в данное время найти сам... но могу заставить вас сделать это.

Сердце мое давно уже стучит в ускоренном режиме, в животе похолодело, но я ответил все с той же полудоброжелательной улыбкой хозяина:

– Насколько я понимаю, вы из этого кокона не в состоянии высунуть и пальчика?

– А вы бы этого очень хотели? – ответил он ехидно. – Но у меня есть другие способы.

– Правда?

Вместо ответа он повернулся ко мне спиной и вскинул обе руки. Я видел, как напряглись его плечи, словно нечто поднимает, затем один локоть пошел вверх, а другой вниз, будто поворачивает некий невидимый для меня штурвал.

– Вы можете посмотреть, – ответил он со зловещей любезностью, – что вас ждет.

Я быстро посмотрел на небо, затем на него.

– И что?

– То, – ответил он холодно, – что вас уничтожит за мгновение. Но вы можете успеть крикнуть, что сдаетесь, и тогда я отзову... ваше наказание. Но вы тут же укажете, где прячется беглянка.

Я поинтересовался:

– А это не ваши были тараканы, что выползли недавно из-под земли? Красные такие, отвратительные... Вообще-то было зрелищно. Без толку, конечно, но зрелищно! Все эти эффекты с летящими искрами... У нас это в крови – смотреть в костер. Миллионы лет смотрели... Вы не видели, как я их разобрал на угольки? Красивое зрелище!.. Можно еще разок? Только побольше, побольше!

Он процедил сквозь зубы:

– Я был занят. Но не думаю, что вы сумели... Там произошло что-то иное...

– Ну да, – согласился я с тяжелым сарказмом в голосе, – они все взяли и убились о стену. Сами и по доброй воле, словно как бы... Или пошел дождь и всех их весьма загасил, как я вот давлую всяких там тлей... А вы тлей использовать не пробовали?

Он прошипел люто:

– Хихикай, хихикай... В тебе мощи нет, я же вижу! И, кстати, у них не было задания тебя убить. Всего лишь загнать, как собаки оленя, и пригнать ко мне.

– Я прибыл сам, – ответил я с неменьшей надменностью. – Пока что никто не смел даже пытаться навязывать мне свою волю! Хотя да, ошибаюсь... женщины пробовали. Вы к женщинам как относитесь?

– Тогда ты умрешь, – произнес он холодно.

– Вот как? – спросил я, победа над огненными всадниками добавила уверенной наглости. – И как же на этот раз?

Он холодно усмехнулся и, не отрывая от меня взгляда, поднял руку с вытянутым указующим перстом. Я невольно проследил за его пальцем, самодовольная улыбка замерзла на моем лице.

По небу медленно передвигается темная черточка, но я могу представить эту безумную скорость, если правильно понял, что это за тварь.

– Увидимся! – крикнул я колдуну.

Зайчик сделал стремительный прыжок, но я уже приник к его шее, и меня не сорвало с его спины.

Ветер заревел в ушах, Зайчик идет стремительно по прямой дороге, а когда она резко вильнула, продолжил бег по пересеченной. Я все оглядывался на дракона, что вырос в размерах и уже вроде бы начинает снижаться, огромный, как линкор. Под ним гнется и трещит небо, а каждый взмах огромных крыльев вызывает здесь внизу бурю.

– Еще быстрее, – сказал я и пригнулся к гриве, пропуская встречный ураган над головой. – Давай вон в те горы.

Дракон, что невероятно, не отстает, а мне казалось, что такая махина, вся в тяжелой костяной броне, просто не может развивать большую скорость, хотя с драконами предугадать трудно, есть драконы простые, а есть усиленные магией, из всех животных они самые чувствительные к ней, многие только благодаря магии и выживают... как мне кажется.

Горы приближаются так быстро, что я начал придерживать арбогастра, чтобы не разбил меня о камни и не разбился сам. Тропка тут же завияла. Я устрешенно поглядывал наверх.

Я пригнулся или поднимал ноги на седло, когда арбогастр пронесся чересчур близко к каменной стене.

Страшный жар ударил в скалу над головой. Волна перегретого воздуха обрушилась сверху, как огромная глыба камня. Я вспикнул, пальцы вцепились в повод до хруста в суставах.

Арбогастр стремительно петляет в узком проходе между скалами. Сверху то и дело падает волна жара, однако большая часть пламени остается наверху, дракону из-за острых скал не удается опуститься достаточно низко для прицельного плевка.

Впереди мелькнула узкая темная расщелина, как раз для нас, чтобы арбогастр проскочил с разбегу, не задев острые края.

Я направил его к щели, соскочил и крикнул:

– Отбеги подальше!

И сразу же прыгнул прямо в черный провал, споткнулся, больно ударился коленом, но скатился вовнутрь, и за спиной о землю с такой силой ударился сгусток огня, словно разбился бочонок горячей нефти.

Я поспешно отполз, с облегчением вздохнул, пещера почти с приличный зал, что лучше некуда. Я прижался к земле, закрыл глаза и начал торопливо представлять себе, что превращаюсь в дракона.

Сколько прошло времени, не знаю, но, когда вернулся в сознание, у входа грохочет, болезненно отзываясь в ушах, грозный рев, трещат камни, огромные глыбы рассыпаются в песок.

Щель теперь далеко внизу у самых моих ног, а моя спина упирается гребнем в свод.

Рев прогремел громче, камни затрещали, и в щель просунулась огромная голова на тонкой змеиной шее.

Дракон ожидал увидеть человека, что ему на один зуб, но сверху опустилась зубастая пасть, мои чудовищные челюсти с наслаждением сомкнулись на его шее. Зубы пронзили чешую с легким приятным хрустом, как если бы ломали скорлупу яйца, сваренного всмятку. Дракон захрипел, попытался выдернуть голову обратно, но я сдавил сильнее.

Могучие челюсти с такой силой сокрушили тонкие шейные позвонки, что сомкнулись друг с другом. Я прижал голову лапой, через несколько мгновений она полностью отделилась от туловища. Шею потащило обратно, у дракона из-за его размеров сигналы от головы до лап доходят, как у динозавров, через несколько секунд, а то и минут.

Его лапы еще отодвигали грузную тушу от опасного места, еще не зная, что голова покоится в пещере. Я опустился задом в ту же яму, что образовалась в пещере, и велел себе вернуться в прежнюю форму.

Когда вышел наружу, огромная туша дракона заполонила собой почти весь проход. Это чудовище распласталось на брюхе, подмяв одно крыло, обрубок шеи вытянуло из расщелины полностью, какой молодец, иначе уж и не знаю, как это я вылез бы...

Лапы еще дергаются и скребут землю, убегая от опасности. Зайчик далеко не ушел, наблюдает с интересом, вид невозмутимый, дескать, ничуть не сомневался, у него только такой и должен быть хозяин.

Я кое-как протиснулся, задевая о жесткую кожу и стену с другой стороны. Зайчик подошел, постукивая бодро копытами, приглашающе фыркнул.

– Давай обратно, – сказал я.

Он сделал вид, что не обратил внимания на мои трясущиеся руки и вздрагивающий голос, тряхнул гривой и красиво понесся большими прыжками по узкой тропке между острых скал.

Глава 10

Маг все там же и в том же магическом пузыре, что-то в этом странноватое, словно передвигаться в нем не может, а выйти наружу побаивается. Или знает, что вернусь.

Я нарочито разогнался, а потом красиво и резко остановил арбогастра, сумев удержаться в седле и не уткнуться в его крутую гривастую шею.

– Неплохая была скачка, – сказал я, – люблю вот так разогнаться, чтобы ветер в лицо и в уши... А еще за мной вроде бы гналось что-то вроде летучей мыши... мелкое такое, уродливое. Но куда-то делось. Наверное, отстало или убилося по дороге.

Он смотрел с ненавистью, но я увидел на его лице наконец-то и нешуточную тревогу.

– Вы это называете, – сказал он с нажимом, – летучей мышкой?

– Ну да, – согласился я. – Только мелкой, очень мелкой!.. И летают такие низенько-низенько!..

Он прошипел люто:

– И все-таки я советовал бы вам отдать ту женщину. Даже если перенесетесь на острова в океане... а такие там есть, знаю, мои твари вас найдут очень скоро... и смерть ваша будет ужасной!.. Отдайте беглянку.

– Плохо просите, – отрезал я. – Вы сделали ошибку...

– Какую?

– Я сам старался от нее избавиться, – признался я. – Я же крестоносец, а она ведьма! Но мы избрали не тот путь. Когда меня к чему-то принуждают... да ни за какие пряники!

– Я просить не привык, – отрезал он. – Я только приказываю!

– Это ошибка, – сказал я. – Вы последний из неандертальцев. Всех остальных наши изгнали из племени за неуживчивость еще миллион лет назад. А кроманьонцы нашли и перебили.

Он не ответил, вскинул голову, глаза его обшаривали небо, и я невольно поднял взгляд. Думаю, я все же заметил раньше него некое мельтешение на востоке, словно в нашу сторону несется туча комариков-толкунцов.

Маг еще всматривался, а я уже понял, что это за твари. Я предпочел бы иметь дело с целой стаей горгулий, чем даже с одной гарпией, а здесь их десятки, если не сотни...

Гарпии несутся сюда целой стаей, хоть и с одной совладать не представляю как, учитывая, что эти твари каменные, а мой молот превратил в расплавленные брызги металла Террос.

Маг наконец рассмотрел их, повернулся ко мне, злой и торжествующий.

– Ну как?

– Да ерунда, – проговорил я. – Плешивые горгульи?

Однако всего снова трянуло, отвыкая героизмовать, больше других посылал в бой, но гордо улыбнулся, перебарывая в себе демократа, и уверенно подобрал повод.

– Это не горгульи, а гарпии, – сказал он с торжеством, – гарпии Синего Клана!

– Один хрен, – сказал я.

– Да? – ответил он издевательски. – Горгульи хоть и живучи, но их можно убить как стрелами, хоть для этого и понадобится много стрел, так и простыми топорами... а вот гарпии Синего Клана защищены от всего, что создано вашими руками, человечки!

Он говорил так, словно он уже нечеловек, я напомнил скромно:

– Господь назначил царем мира человека. И даже ангелы поклонились ему. В смысле, человеку.

Он расхохотался:

– Человека!.. Господь!.. У меня другой Господь!

– Какой? – спросил я. – Простите мой вопрос, я очень любознательный...

Он на миг запнулся, затем ответил с апломбом:

– Я сам себе Господь!

– Атеист, – сказал я понимающе, – вообще-то, если между нами, дома я тоже атеист, да еще какой! Но на людях – примерный христианин, ибо!..

Я посмотрел на небо, гарпии уже близко, тронул арбогастра, указывая направление, а маг прокричал за спиной:

– Лучше погибнуть? Не будь дураком! Выдай беглянку!

– Вперед, – велел я.

До того, как Зайчик сделал первый прыжок, я услышал злорадный крик мага:

– Они пойдут по твоему запаху! На любое расстояние!

– Прямо на любое? – спросил я издевательски.

– Хотя на другой конец света, – прокричал он. – От них не скрыться!..

Ветер засвистел в ушах, а стук копыт слился в шорох и остался позади. Мы в первые минуты ушли, как мне почудилось, на дикое расстояние, но, когда я оглянулся, гарпии все еще в небе.

Зайчик несется так, что они все-таки приотстали и превратились в черные точки, однако упорно идут следом. Я чувствовал, как голова начинает накаляться от горячечных мыслей, ничего путное не приходит, наконец вспомнил о браслете Иедумэля, на ощупь начал поворачивать обе половинки, но ветер ревет в ушах и дергает за волосы.

– Чуть помедленнее, Зайчик, – прошептал я, – чуть помедленнее...

Он послушно пошел почти обычным галопом, а черные точки в небе сразу начали увеличиваться в размерах и наливаясь зримой тяжестью.

– Сейчас, сейчас, – слышал я свой же шепот, – ну же... быстрее...

Тряска и ветер никак не позволяют настроиться, все образы смазаны и тут же исчезают, а гарпии выросли в небе и начали снижаться.

Я ухватил лук, быстро наложил стрелу и, натянув тетиву до предела, отпустил твердый кончик дерева. Первая гарпия идет уже над нами, стрела ударила ее точно в пузо, и, я не поверил глазам, там блеснула искра, когда стальной наконечник чиркнул по камню, а сама стрела отскочила и, перекувыркнувшись, пошла вниз.

– Чтоб вы подошли, – прохрипел я. – Хотя чего я ждал?

Зайчик, уловив мое движение корпусом, пошел ровной рысью, а я поворачивал браслет Иедумэля, никак не могу сосредоточиться, ну что за хрень, я же всегда был таким... вообще-то таким блиновым и был, ни на чем не мог сосредоточиться, чтобы довести до конца, за все хватался и все бросал...

Над головой уже свист тяжелых крыльев и удары тугого воздуха, но наконец-то перед внутренним взором проступил образ эльфийки. Я поспешно соединил обе половинки браслета, в глазах сразу замелькало серо-зеленое.

Подошвы уперлись в мягкий нежный мох, арбогастр подо мной исчез, рядом могучие толстые стволы, покрытые с моей стороны изумрудно-зеленым мхом, что и понятно, меня же бросило сюда с севера, но если взглянуть на другую сторону, то стволы просто горят в прямых лучах солнца.

Я закричал:

– Тревога!.. Противник задумал уничтожить племя эльфов!.. Тревога, общая тревога!

Из-за деревьев начали выбегать эльфы, а из моей хижины выскочила торопливо Гелионтэль.

– Всем взять луки!.. – орал я. – Мальчики – направо, девочки – налево!.. Нет, лучше наоборот...

Гелионтэль со счастливым воплем бросилась ко мне, я обнял ее одной рукой. Она прижалась всем телом, как лоза к дубу, а я еще тот дуб временами, но сейчас этот дуб собрался и

прокричал звучным голосом человека, рожденного отдавать приказы всем на свете, ибо есмь царь природы, как и назначил Всевышний:

– Противник наслал гарпий Синего Клана!.. Он хочет захватить мир, и только благородные и отважные эльфы могут его остановить!.. Быстрее!.. Они скоро появятся!

Первым с луком в руках прибежал Шэллиэль, быстрый и остроглазый, все в той же шляпе с розовым пером, что говорит о его ранге лучшего стрелка племени.

– Конт? – крикнул он. – Откуда придут?

– С севера, – сказал я.

Он повернулся, прокричал звонким голосом сказочного принца:

– Фоссаэль, Атаэль!.. Берите свои отряды и займите первую линию обороны!

Фоссаэль, весь в зеленом настолько, что не отличишь от куста, даже веточки натыкал в шляпу и одежду, появился так неожиданно, что я вздрогнул.

– Я возьму и отряд конту Тулиэля!

Атаэль возник рядом так же неожиданно.

– Нет, – возразил он. – Отряд конту Тулиэля возьму я по праву, как его родственник...

– А что, – спросил я обеспокоенно, – конт Тулиэль умер?

– Нет, – ответил Шэллиэль раздраженно, – он уже вторую неделю в глубоком воссоединении с Великим Дубом.

– А-а, – протянул я, – медитирует... Тогда да, его отряд лучше кому-то взять и вообще не отдавать никаким медитантам. В нашем мире только задумайся о высоком, тут же штаны снимут и подошвы срежут! А где конт Лихтеэль?

Из дальних зарослей донесся сильный и почти не эльфийный голос:

– Здесь. Сколько их?

– Стая, – ответил я. – С полсотни. Так, навскидку.

– Но может быть и больше?

– Еще как может, – заверил я. – Всем хватит! Не спорьте. Лут ваш!

Лихтеэль вышел из-за ствола, поросшего мхом, такой неотличимый от древнего дерева, что мне почудилось, что это сам мох собрался в человеческую фигуру и решил прогуляться по лесу. Только лицо Лихтеэля ясное и нежношее, как у остальных сородичей, хотя глаза смотрят сурово, словно он не беспечный эльф, а человек, кое-что повидавший и многое познавший.

– Давно мы ни с кем не дрались, – проговорил он задумчиво и посмотрел на меня почти с угрозой. – Очень давно.

– Наверное, соскучились?.. – спросил я. – За вашу и нашу свободу! За древние традиции стремительного прогресса, освященные Великим Дубом!

Он поморщился.

– Какого прогресса?

– За древние традиции стремительного регресса! – воскликнул я громко, а ему сказал дружески: – Да ты что, это же просто лозунги! Кто им верит? Ну разве что эльфы, но где они, те эльфы.

Он хмыкнул и отвернулся.

На поляну выходят все новые эльфы, рассредотачиваются, я не отрывал взгляда от неба, пока чистого, уже начал надеяться, что гарпии не возьмут такой сложный след, все-таки в моем активе самый сложный прыжок через пространство, однако Лихтеэль вскрикнул:

– Вон они!

В голубизне проступили и начали приближаться темные точки. Сперва это выглядело так, словно смотрю на прозрачное стекло, засранное мухами. У эльфов существует эвфемизм «засиженное мухами». Это вообще-то то же самое, что и засранное, но вот почему-то засиженное, как будто муха всякий раз срет, когда садится, а это несправедливо и вообще поклеп, а я за всеобщую справедливость.

Довольно быстро точки стали жирнее, я рассмотрел быстродвигающиеся крылья.

Точно, магические твари, подумал я с тревогой. Я же пронесся моментально на расстояние, которое птице не преодолеть за сутки, а тут эти твари почти сразу...

Лихтеэль прокричал:

– Стрелять по команде!

Я удивился, как-то дисциплина у меня не ассоциируется с эльфами, потом подумал, что к этому пришли поневоле, потому что, если кто-то выстрелит первым, противник начнет маневрировать, и остальным будет сбит прицел.

Гарпии, что должны быть измучены таким перелетом, если их только не перенесло так же, как и меня, явно зачуяли меня, все сбились в более тесную стаю, чтобы попасть на поляну, не задевая деревья, и по длинной дуге устремились на добычу.

Меня трясет с головы до ног в диком возбуждении, сердце стучит чаще, чем копыта Зайчика при карьере, вот-вот разорвет, если не выплесну вот прямо сейчас...

Верхушки деревьев с северной стороны закачались, затрещали, две рухнули вниз, это слишком снизившиеся задели каменными телами. Я с содроганием подумал, что такая вот тварь с разгону может разнести в щепки целое дерево, а самой хоть бы хны.

– Разом! – прокричал Лихтеэль.

Гарпии были уже над поляной, когда в них ударили первые стрелы. Я тоже стрелял, я же эльф, а потом отбросил лук и схватился за меч.

Первые твари, все же пронзенные стрелами, тяжело рухнули на землю, та даже подпрыгнула, словно с вершины горы сорвались массивные камни, за ними падали еще и еще, одна прорвалась ко мне, я встретил ее ударом меча.

Руки и плечи болезненно заныли, я едва удержал в руках рукоять, но гарпию отшвырнуло, она упала на землю навзничь, придавив крылья, и барахталась, пока ее не пронзили сразу три стрелы.

Еще две гарпии проскочили через завесу стрел, хотя и раненные. Я вертелся и быстро рубил, избегая их алмазно-острых когтей.

Плечо остро рвануло болью, я упал, обеими ногами подбросил навалившуюся на меня хищную тварь, и ее просадили почти насквозь двумя стрелами на лету.

Эти твари, даже видя свое истребление, не попытались вернуться и удрать, тупо стараются прорваться и гибнут десятками, пока последняя не каркнула мерзко гранитным голосом и не рухнула на трупы остальных из своей стаи.

– Молодцы, – сказал я, – одна за всех, все за одну!.. Сама погибай, подругу выручай! Вам нужна победа, одна на всех, а за ценой вы не постояли... Слава гарпиям!

Эльфы вышли из-за деревьев, луки все еще в руках наготове, я сказал им бодро:

– Вы тоже молодцы, даже весьма!

Глава 11

Они осторожно осматривали застывших гарпий, не убирая луков, все выглядят настолько взвинченными, что как пьяные, даже глаза блестят, и рожи то и дело перекашиваются в глупых ухмылках, что так несвойственно всегда сдержанным и благородным эльфам, а рукам все никак не найдут места.

– Поздравляю, – сказал я торжественно Лихтеэлю. – Это же как благородно и почетно отразить подлое и коварное нападение на свое Отечество!..

Он посмотрел на меня как-то странно.

– Что-что мы защищали?

– Наше общее Отечество, – объяснил я приподнято и даже возвышенно. – Где мы будем строить новый и великий! Во имя эльфов!.. И всего гуманного человечества, так уж и быть. Великий Дуб в своих священных заповедях завещал заботиться о всяком дыхании.

– Гм, – сказал он.

– Мы защитили, – сказал я, – весь мир, а не только эльфов! Самое главное, успешно, что все-таки немаловажно для самолюбия и так важного для нас, самцов, самолюбования и доминирования.

Ко мне подбежала Гелионтэль, лук уже за спиной, обняла и прижалась снова всем телом, как медуза к плоскому камню.

– Милый!.. Ты всегда приносишь победу.

– Я такой, – согласился я. – Победоносец, можно сказать. Ника с вот такими крыльями! А как там наша победоносикова малышка?

Она счастливо заулыбалась, промурлыкала:

– Ты не поверишь...

– Имя еще не дали?

– Рано, – пояснила она. – Вот когда исполнится пять лет... Какое ты хочешь имя?

– Азаминда, – сказал я, не задумываясь. – Это самое прекрасное имя!

– Азаминда, – повторила она задумчиво, – в нашем племени имена заканчиваются на «эль»...

– Пора кончать с изоляцией, – сказал я твердо. – Эльфы всех стран, соединяйтесь!.. Мы должны выйти из лесного гетто и заявить о своих исконных и посконных правах! А также праве на участие в равных и всеобщих... Кстати, я буду вашим кандидатом на пост, как вы понимаете, а если меня еще и тролли поддержат, на что рассчитываю всерьез, то у меня есть все шансы стать аж самим...

Их лица бледнели и вытягивались, я наконец понял, что зря сболтнул о троллях, захохотал беспечно:

– Шутка!.. Никаких выборных должностей... в этом году, только полная и абсолютная монархия!.. Слава королеве!

Они неуверенно заулыбались, все-таки шутки у людей грубые. Для нас нормально ради шутки кого-то дубиной по голове, сразу хохот со всех сторон, а вот эльфы этих тонкостей почему-то ну никак не понимают, а изящества в упор не видят.

Пока рассматривали гарпий, они уже окаменели в таких жутких позах, можно уносить и ставить в виде украшений, появился Кромантоэль, советник королевы.

Весь в нарядных одеждах, как девочка, что спешит на первый бал, быстро и устрешенно оглядел поляну с телами где скрюченных, где распростертых гарпий, но каждая успешно утыкана стрелами.

– Великий Дуб, – сорвалось с его бледных губ, – это ужасно, ужасно, ужасно...

Я возразил:

– Ну ужасно, кто спорит? Но не ужасно, ужасно, ужасно!.. Такова селяви, как говорят эльфы в другом лесу... а вы думали, вы единственные?.. Как же, арийцы!.. Я вам еще и эльфонегров найду!

Кромантоэль произнес все еще вздрагивающим голосом:

– Конт Астральмэль, вам нужно действительно появиться у королевы Синтифаэль...

– Блистательной, – перебил я, – и рожденной из Солнца и Света!.. Дайте мне договорить, я же так люблю произносить ее великолепное имя, словно мед жру большой ложкой!.. Даже бегемотым ковшиком.

– Идите сейчас, – сказал он настойчиво.

– Да как вы можете такое говорить! – ответил я возмущенно. – Я не пойду, а устремлюсь!.. Потому как бы.

Я в самом деле шел быстрыми шагами, однако тонконогий эльф все равно легко скользит впереди, словно танцуя что-то непристойно веселое, но невинное по своей детской дурости.

Гигантские деревья красиво и торжественно разошлись в стороны, а дальше грозно и величественно заблестало опустившееся на поляну солнце, как я решил в тот первый раз, теперь же я был готов увидеть сказочный дворец Синтифаэль, однако сердце все равно ликующе затрепетало и запело нечто высокое.

Сказать прекрасен – ничего не сказать, это мечта, воплощенная в драгоценный камень, дивный рыцарский замок с поправкой на эльфийскую утонченность, изящество, чувство пропорций и соразмеренной красоты.

Дух захватило при виде изящных надстроек, множества башен, башенок, стреловидных крыш с весело трепещущими пурпурными и оранжевыми флажками, воздушных мостиков, длинных террас и балконов, красиво украшенных окон, огромных и блещущих радужными стеклами.

– Как же мне нравится этот домик! – сказал я.

Кромантоэль оглянулся, лицо стало испуганным.

– И что?

– Да ничего, – сказал я успокаивающе, – просто люблю, я же эстет, мало ли что еще и Ричард Захапыватель. В прекрасном мире живет божественная Синтифаэль...

– Рожденная из Солнца и Света, – добавил он наставительно.

– Рожденная из Солнца и Света, – согласился я. – Милый и короткий титул! А вы бы попробовали произнести мой полностью... голодным бы спать легли.

Ближе стали отчетливо видны те барельефы, что поразили даже меня, вообще-то не любителя старины и застывшей музыки. Дикая экспрессия, точность передачи чувств, когда-то и эльфы, видать, были людьми.

У ворот рослые эльфы, каждый мне аж до середины груди, но никто не бросился открывать мне ворота. Я уже протянул сам руку, но те послушно распахнулись.

– В прошлый раз было вроде бы не так, – пробормотал я, – а мне казалось, вы консерваторы во всем...

Кромантоэль обернулся, сделал широкий жест рукой.

– Сюда, конт...

– Иду-иду, – ответил я. – Даже если в шею погоните, но как не увидеть божественную Синтифаэль? Увидеть и умереть! Или кого-то прибить в экстазе.

– Кого?

Я отмахнулся.

– Да какая разница, вас же много!

Он пугливо ускорил шаг, перед нами распахнулся холл с его золотыми стенами, полом и выгнутым сводом, где нет свободного места от барельефов и предельно изысканных узор.

Уже и не понимаю, цветы это, звери или эльфы такие, вдруг за это время видоизменились, как мы со времен питеков и кистепериков?

Двери в первый зал тоже распахнулись сами, кажется, начинаю понимать, что у них по пятницам нужно торжественно открывать самим, соблюдая некую древнюю и очень освященную традицию, а в остальные дни распахиваются вот так попросту перед каждым входящим.

Я шагнул в царство вкуса, изящества и утонченной красоты, радостного света и дивных красок. Кромантоэль обернулся и указал взглядом на красную ковровую дорожку. Я встал на нее, и то ли это сам иду, как сомнамбула, то ли меня несет через этот радостный и беспечный мир, как кораблик в ручейке по тихой воде...

Пламенная дорожка привела к дверям второго зала. Двери распахнулись в чистый солнечный свет, мои деревянные ноги несут через это сияние, где под противоположной стеной угадывается трон, а на нем женщина, от которой и струится этот божественный свет невиданной чистоты и свежести.

По обе стороны ковровой дорожки прекрасные эльфы и эльфийки в вычурных костюмах придворных, красиво и грациозно склонились в полупоклонах, но я вижу только блистательную и божественную Синтифаэль. Сердце с каждым шагом стучит все громче и радостнее, а в виски бьется ошалелая мысль, мол, ура, я снова ее вижу!

Я преклонил колено у ступеней, Синтифаэль, прекрасная и надменная, в высокой золотой короне с крупными сапфирами по ободку и на вершинках острых лучей, с золотыми волосами, ниспадающими крупными локонами на плечи и спину, неспешно обратила на меня царственный взор.

Мои глаза прикипели взглядом к ее нечеловечески прекрасному лицу, а она, выждав время, не обнаглел ли я до такой степени, что осмелюсь заговорить первым, произнесла серебряным голосом:

– Конт...

– Конт Астральмэль, – подсказал я с готовностью.

Она чуть поморщилась, подсказка неуместна, произнесла сухо и холодно:

– Как нам стало известно, вы все-таки явились в наш Лес, не испросив на то мое высокое соизволение, как я вам велела строго-настрого?

– Токмо зело! – воскликнул я. – Ваше Величество, не лепо ли не бяше, но мной руководствовалось страстное стремление быть полезным опчеству, потому я вот!.. Если бы, как вот надо, в смысле вами велено, то эти проклятые гарпии Синего Клана надьсь истребили бы эльфов... ну, пусть не всех, но все равно это был бы весьма и токмо разгром!.. Как могу я, прирожденный эльф, такую прю допустить?.. Да лучше вы меня вот тут разорвете на куски, затопчете копытцами или забодаете... корона у вас в самый раз, но я готов отдать за благополучие эльфов душу... да что там душу, готов даже сапоги с золотыми шпорами!

Она слушала с беспристрастным видом, Кромантоэль забежал петушком сбоку и тихохонько пошептал, не касаясь ее розового уха.

Ее бесподобно крупные глаза, налитые чистейшим светом незапятнанного людьми мира, окинули меня изучающим взглядом.

– Что ж, – произнесла она задумчиво, – в связи с тем, что на чаше весов была угроза для эльфов, как вы почему-то решили, это вас оправдывает в некоторой степени.

Кромантоэль пошептал снова, она отрицательно качнула головой, а мне сказала тем же ровным голосом:

– В особых случаях вам разрешено являться в Лес, не испрашивая моего разрешения...

– Ох, Ваше Величество, – воскликнул я, – это счастье!

– ...но затем, – продолжала она неумолимо, – вы обязательно должны прийти сюда и объяснить все свои действия и поступки.

– Это лепота, – сказал я обрадованно. – Могу прям щас! Вот когда я только родился...

Кромантоэль посмотрел на меня строго и едва заметно покачал головой, а Синтифаэль произнесла ледяным голосом:

– Нас не интересуют те проступки, которыми наполнена ваша жизнь с момента рождения. Но за каждый шаг в нашем Лесу вы должны будете отвечать по всей строгости.

– Закона? Ах да, королевского суда Вашего Величества! Как я счастлив! Как я ликую! Как же мне хорошо!.. А ведь в самом деле присно хорошо!

Она сделала небрежный жест кончиками пальцев, таких тонких и красиво вырезанных, что мне страстно захотелось припасть к ним в безумном поцелуе, а то и укусить.

– Можете встать, конт.

Я не стал напоминать, какой я конт, все уже знают, что я тот самый Астральмэль, вскочил и поклонился учтивейшим образом, а потом попрыгал с поклонами, дескать, я вот легкий, как и все эти кузнечики вокруг, помахал воображаемой шляпой над носками сапог, раз уж не пришлось отдавать, то теперь можно и пыль стряхнуть.

– Я примчался сразу, – пояснил я, – как только!..

Она поинтересовалась:

– И что вас вело?

– Эльфизм, – сказал я твердо и посмотрел на нее так по-человечески, что на ее лице проступило едва заметное беспокойство, – это не расовая принадлежность, а состояние души!.. Ваше Величество, можно быть человеком, но стать свиньей, а можно стать и эльфом, пусть и глубоко в душе, а у кого-то и совсем неглубоко, а то и вовсе снаружи, вы еще не видели наших косплеистов!

Она спросила сдержанно:

– Конт, эльфы обожают сложные конструкции из слов, это наше искусство, но не могли бы вы... говорить проще?

– Гм, – ответил я, – упростим для доступности. Я хочу сказать, что вот сейчас богатым и могучим королевством Ламбертиния правит эльфийка Лалаэль...

Она приподняла брови.

– Человеческим?

– В натуре!

– Лалаэль? – повторила она. – Не припоминаю эту подданную.

– Она из другого племени, – сказал я с тайным злорадством. – Намного более мелкого, почти исчезающего... но у них хватает отваги... или отчаяния, но в данном случае это неважно, хватает, чтобы ухватиться за любую возможность выжить и укрепиться!

Она в удивлении покачала головой.

– Но... как?

Я ответил с достоинством:

– Ваше Величество, я за всемирный эльфизм и обэльфивание всего туземного населения всех земель и пространств во имя и для. Рожденный местным квасным патриотом... потом объясню, что это за выверт, я вырос до понимания антидемократических ценностей глобализма и потому сейчас я за!

– Конт, – произнесла она с непониманием, – но как эльфийка может быть королевой в землях людей?

– Запросто, – ответил я нахально. – Она ж королева, а не какой-нибудь премьер-министр, канцлер или, тьфу-тьфу, президент?.. Она королева! Олицетворение!.. Все лучшее!.. Она божественно неподсудна, ей не грозит импичмент или перевыборы, народ ее обожает!

– Не могу в это поверить, – проговорила она озабоченно.

– Ваше Величество, – ответил я, – если вам угодно будет, я могу вас перенести туда.

Она отшатнулась.

– Что?

– Вы примете от нее присягу, – пообещал я. – Она хоть и королева, но всего лишь у людёв, а вы владычица эльфов, это почти что морская! Так что теперь у вас будут эльфы и... целое королевство людёв!

Она задумалась, потом спросила нерешительно:

– А как вы туда... ах да, с помощью браслета Иедумэля! Верно?

Я сказал с восторгом:

– Вы все видите насквозь! И даже через мою одежду!.. Вот он, под рукавом. А рукав вот здесь...

– Я слышала о них, – проговорила она задумчиво, – но полагала, давно утеряны...

– У меня есть адын штука, – похвалился я. – Так как, Ваше Величество? Я вас перенесу. Вы не выглядите тяжелой.

– Как происходит перенос? – спросила она. – Браслет был изготовлен для гонцов, что берут только письма.

– Понял, Ваше Величество, – ответил я с готовностью. – Все дело в том, чтобы не выпустить вас из рук. Скажу честно, ту эльфийку я едва дотащил, она ж была явно после обеда. Но вас я буду держать крепко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.